

«ВРЕМЯ ИДЕТ ИНТЕРЕСНЕЙШЕЕ...» (Письма Л. Л. Толстого к Николаю II)

Публикация В. Н. Абросимовой и С. Р. Зориной

В книге воспоминаний «Опыт моей жизни» Лев Львович Толстой (1869—1945) писал:

«Пятилетие с 1904-го года и до 1909-го было для меня самым удачным периодом жизни, в том смысле, что в нашей семье не было ни одного горя, даже ни одной неприятности, что материальные дела мои шли успешно и что в общественной и литературной средах на меня стали обращать внимание. <...>

Странное настроение переживала тогда Россия в период войны с Японией и так называемой первой русской революции 1905-го года.

Я был, как говорил мне отец, в „самом пекле“ этого общественного, но не народного движения и видел его близко.

Не могу сказать, чтобы оно оставило во мне светлые воспоминания, и, увы, не могу вспомнить ни одной встречи с человеком, который в то время мог бы вывести Россию на светлый путь порядка и обновления.

Все, что делалось тогда, с одной стороны, либералами и революционерами, а с другой — правительством, служило все большему недовольству общества и народа, и, казалось, ничего не могло спасти Россию от роковой катастрофы, к которой она стремительно подвигалась.

Я много писал тогда в газетах и особенно в тогдашнем полуофициозе — „Новом Времени“, так как все правящее петербургское общество во главе с Царем читали его.

„Новое Время“ стало самым влиятельным русским журналом, благодаря уму старика А. С. Суворина, которого я хорошо знал. Но, к сожалению, Алексей Сергеевич не был достаточно культурным и развитым человеком, чтобы понять требования своего времени. Он был консерватором и реакционером, простым дельцом и разбогатевшим, хитрым русским мужиком и не больше других знал, в чем нуждалась Россия. Его газета шла руку с правительством и потому, естественно, приносила больше вреда,

чем пользы. Но Суворин все же был в сто раз более прав, чем либеральные еврейские и еврействующие газеты его времени.

В России шла тогда сложная борьба политических и религиозных идеологий, борьба придворная, борьба крестьян с помещиками, борьба рабочих с капиталистами, сектантов с православием, евреев с их гонителями, — и среди этого напряженного настроения внутри страны вдруг разразилась японская непопулярная война, вызванная близорукой и слабой властью¹.

Весной 1905-го года русская армада была потоплена под Цусимой², и негодование общества стало всеобщим. Либералы требовали немедленного прекращения войны во что бы то ни стало³. Консерваторы без твердой воли и линии должны были идти вместе с ними⁴.

Я не был ни консерватором, ни либералом и судил события свободно, такими, какими они мне представлялись. Я услышал тогда из компетентных источников, что в Японии не было больше ни амуниции, ни продовольствия и что, если бы Россия продолжила войну, японцы были бы побеждены.

Тогда я напечатал статью в „Новом Времени“, в которой писал, что необходимо продолжать войну до победы⁵.

Сотни враждебных голосов поднялись против меня за такое мое „реакционное“ мнение⁶, и в их числе и был мой собственный отец, сказавший

¹ В ночь на 27 января (9 февраля) 1904 года вместо объявления войны японская эскадра напала на русский флот. См. также коммент. 32—33.

² Цусима — группа островов в Корейском проливе, где в сражении с японским флотом 14—15 (27—28) мая 1905 года русская эскадра потерпела сокрушительное поражение: свыше 5 тысяч человек погибли, 27 кораблей было потоплено.

³ Убеденным противником войны был председатель Комитета министров Сергей Юльевич Витте (1849—1915). 28 февраля 1905 года он подал царю письмо, в котором настаивал на окончании войны (см.: *Витте С. Ю.* Воспоминания: В 3 т. М., 1960. Т. 2. С. 291, 573—574.

⁴ Открыто выступил за окончание войны задолго до полного разгрома русской армии и флота князь Владимир Петрович Мещерский (1839—1914). В дневнике, печатавшемся из номера в номер в его газете, он писал: «<...> я бесстрашно говорю, что сознать долг кончить войну и заключить мир требует более героизма, более любви к отечеству, чем заключать его после победы. <...> мир нужнее победы <...>» (*Гражданин: Газета-журнал полит. и лит. СПб., 1905. 3 марта, № 18. С. 21.*

⁵ Речь идет о двух статьях из цикла «Мысли и жизнь», напечатанных в «Новом времени» 3 и 10 марта 1905 года. См. об этом ниже, с. 123.

⁶ Возражение вызвала позиция Л. А. Толстого в критический для России момент. В частности, М. Энгельгардт в статье «Христианская философия на белой подкладке», посвященной главным образом высказываниям Л. Н. Толстого о непротивлении, заметил: «<...> Лев Львович нововременский унаследовал от отца только манеру и тон — и потому оказывается лишь смешным» (*Новости и биржевая газета. СПб., 1905. 6 марта. № 57. С. 2.* См. также статью А. Яблоновского «Толстой большой и Толстой маленький», в которой говорилось: «<...> На задворках петербургской журналистики уже много лет подвизается граф Лев Львович Толстой <...>» (*Сын отечества. СПб., 1905. 9 марта, № 15. С. 2.*)

мне с негодованием, что „можно писать, что угодно, только не за войну“⁷, хотя сам он в то же время каждый раз огорчался, что приходили известия о наших поражениях, восклицал в ужасе: „Отдали только 8 пушек! нет, в наше время дрались иначе“⁸.

И вот Витте заключил постыдный „портсмутский мир“⁹, последствия которого будут чувствоваться русским народом очень, очень долго.

С самого начала царствования Императора Николая II, после „Ходынки“¹⁰ и „бессмысленных мечтаний“¹¹, Россия почувство-вала, что пришел конец царскому абсолютизму и что-то новое должно было наступить. Японская война окончательно укрепила это мнение и, естественно, поощрила революционное движение. В одно прекрасное утро попу Гапону¹² удалось поднять петербургскую толпу и двинуть ее походом на Зимний Дворец.

Я видел это зрелище собственными глазами, видел черноокого и быстрого Гапона, подстрекавшего толпу на Невском проспекте, и чуть не попал под выстрелы с двумя моими мальчиками¹³, которых в этот день возил кататься по набережной и Миллионной на нашей двухколесной „гиге“. На Миллионной улице кто-то из толпы крикнул мне, чтобы я не выезжал на Зимнюю площадь, где стреляли, и я повернул лошадь обратно¹⁴.

Все эти события убедили меня в том, что Царь не мог больше править Россией, что ему нужно было созвать Земский Собор¹⁵ для решения народных нужд, что надо было действовать быстро в этом духе, и я написал ему письмо, в котором кратко излагал эти мысли.

⁷ Д. П. Маковицкий записал 9 апреля 1905 года: «<...> Со Львом Львовичем Л. Н. долго разговаривал потом в своем кабинете» (*Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904—1910. Яснополяские записки//Лит. наследств. Т. 90: В 4 кн. М.: Наука, 1978. Кн. 1 С. 241.*

⁸ Ср. реплику Л. Н. Толстого в беседе с Т. А. Кузминской 4 февраля 1905 года о сдаче Порт-Артура: «В наше время этого не было бы. Умереть всем, но не сдать» (там же. С. 163).

⁹ Мирный договор между Россией и Японией был заключен 23 августа (5 сентября) 1905 года в г. Портсмуте (США, штат Нью-Хэмпшир). По условиям договора Россия передала Японии права на аренду Порт-Артура и Дальнего на Квантунском полуострове и южную часть Сахалина.

¹⁰ Во время массового гуляния в Москве на Ходынском поле по случаю коронации Николая II (1868—1918) 18 мая 1896 года произошла гибель около 2-х тысяч человек, несколько десятков тысяч людей было изувечено.

¹¹ Так называли период пребывания в должности министра внутренних дел князя Петра Дмитриевича Святополк-Мирского (1857—1914), назначенного в конце августа 1904 года.

¹² Гапон Георгий Аполлонович (1870—1906) — священник, агент царской охраны.

¹³ Речь идет о двух старших сыновьях Л. Л. Толстого: Павле (1900—1992) и Никите (1902—1992).

¹⁴ См. об этом подробнее в письме Л. Л. Толстого к С. А. Толстой от 9 января 1905 года, с. 115—116.

¹⁵ Земские Соборы — собрания представителей разных сословий в Русском государстве XVI—XVII веков, созывавшиеся царем для рассмотрения государственных дел. Впервые Земский Собор был созван в 1549 году. Последний Земский Собор был в 1684 году.

Мой отец, которому я показал мое письмо царю, одобрил его и, по-видимому, был доволен моими действиями¹⁶.

Знакомый нашей семьи, граф Адам Васильевич Олсуфьев¹⁷, в то же время свитский генерал, близкий ко Двору, передал мое письмо Царю и сам также настолько оценил его, что заказал переписать его в сотнях экземпляров, чтобы раздать его придворным и членам правительства.

Царь прочел мое письмо, и несколько дней позднее мне было прислано приглашение приехать в Царское Село на аудиенцию, которая продолжалась два часа¹⁸.

Вкратце я говорил Царю следующее. Численность в 2000 человек Земский Собор будет лучше Думы¹⁹; составленный из различных классов населения, он, как древнее русское учреждение, точно представит русские нужды. Необходимо реформировать русскую общину и создать мелкого землевладельца-собственника. Следует реформировать православную церковь в рациональном смысле. Следует дать России известные социальные свободы, которые только укрепят, а не ослабят монархию.

Царь внимательно слушал меня и сказал, что он хочет создать парламент „в русском духе“ и что для Него было важнее всего благо русского крестьянина и все, что до него касается. При прощании со мной он просил меня писать ему.

Но стоило ли говорить Ему и мог ли Он внять разумным советам? Не прошло, может быть, месяца после моей аудиенции, как он подписал проект

¹⁶ Л. Л. Толстой, действительно, сразу же отправил копию своего письма к отцу в Ясную Поляну (см. об этом ниже). 20 января 1905 года Л. Н. Толстой писал ему:

«Милый Лева, Мама в Москве, и я получил твое письмо к государю. Письмо хорошо. Только папа благоразумнее и учтивее нас: он прежде спросил: желает ли царь выслушать его совет? Разумеется, созвать собор было бы самое благоприятное, но едва ли возможно ожидать от них благоразумия. <...> Очень понимаю твое волнение, переносясь в твои годы и в твое положение в самой середине движения. Но все-таки не следует отдаваться вполне этим внешним делам; есть более важные — в нашей внутренней жизни. <...> Целую тебя, Дору, детей. Л. Толстой. <...>» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.: Гослитиздат, 1928—1958. Т. 75. С. 206—207; далее сокращенно: ПСС).

¹⁷ Л. Л. Толстой ошибся: А. В. Олсуфьев (1833—1901), помещик, владелец имения Никольское-Горушки, друг Л. Н. Толстого, умер на несколько лет раньше. Л. Л. Толстой имел в виду его брата, генерала, флигель-адъютанта, знакомого Толстого по Крымской войне Алексея Васильевича Олсуфьева (1831—1915). Из сохранившегося письма Л. Л. Толстого к министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому от 15 января 1905 года следует, что письмо Л. Л. Толстого к царю попало иным способом (см. об этом ниже, с. 117).

¹⁸ См. в Приложении очерк Л. Л. Толстого «Беседа с бывшим царем Николаем II-м».

¹⁹ До Первой Государственной Думы 1906 года в истории России были известны Боярские думы, просуществовавшие с 1547 года по 1711 год, и Городские думы, учрежденные в 1785 году и реорганизованные в 1870 году.

„Думы“, созданный министром Булыгиным²⁰, той самой Думы, которая похоронила в России не только идею монархии, но погубила самого Императора Николая II и Его семью. Но она погубила также — идеи свободы и морали и вконец ослабила, разорила и одурачила русский народ.

До моего свидания с Царем я послал Ему мою книгу „Современная Швеция“, которую он прочел и из которой почти целиком взял для своего Манифеста 17-го октября список пяти гражданских шведских свобод: свободу личности, слова, собраний, веры и печати²¹. Но Царь Николай II мало знал и понимал Россию своей эпохи. Он не понял, прежде всего, что не манифестом одним надо было удовлетвориться, а надо было начать на деле перестраивать старые, отжившие русские формы.

В одном из моих писем к Нему я советовал, между прочим, реформировать православную церковь²². Этот совет показался Царю чудовищным.

Я просил Его позднее навсегда удалить Распутина²³. Он временно послушался, и Распутин был сослан в Сибирь, но через две недели снова возвращен в Царское, по просьбе Императрицы²⁴. <...>

Когда я оглядываюсь назад на эпоху „первой русской революции“, меня поражает прежде всего факт, что во всей тогдашней Царской России не нашлось и горсти политически зрелых людей, бывших в состоянии помочь ей. <...>

Управлять Россией могут только гиганты.

Управлять людьми вообще могут только гиганты духа и разума. Но за последние две-три тысячи лет эта истина забыта народом, и гиганты духа и ума не допускаются больше к браздам управления народами и заменены жалкими посредственностями. Слишком много надо было бы сказать, чтобы объяснить это явление²⁵.

Относил ли себя А. Л. Толстой к «гигантам духа и разума»? Вероятно, да. В его архиве сохранились письма к царю, а также многие другие документы, проливающие свет на этот нелегкий вопрос. Чем же было вызвано обращение к Николаю II?

²⁰ Булыгин Александр Григорьевич (1851—1919), министр внутренних дел, в августе 1905 года представивший проект Положения о совещательной думе. Выборов и созыва этой думы не было из-за начавшейся революции.

²¹ См.: Толстой А. Л. Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях. М., 1900.

²² Письмо 1911 года не сохранилось. См. упоминание о нем ниже, в письме А. Л. Толстого к царю от 14 сентября 1912 года.

²³ Распутин Григорий Ефимович (наст.фам. Новых; 1872—1916) — фаворит царской семьи. Просьба А. Л. Толстого удалить Распутина неизвестна.

²⁴ Близость Распутина к царскому дому вызывала негодование у многих. Распутина неоднократно пытались удалить из Петербурга, но он вскоре возвращался вновь. В последний раз, после оргии в Москве, Распутин уехал в родное село Покровское, возле Тюмени в Тобольской губернии, в конце июля 1915 года, но уже в середине августа 1915 года у него были продолжительные беседы с царицей (см.: Палеолог М. Распутин: Воспоминания. М., 1928. С. 41, 45).

²⁵ Толстой А. Л. Опыт моей жизни: В 3 кн. Кн. 2. Гл. 8 (машинопись с авторской правкой, ГМТ).

Сын великого русского писателя, сам уже довольно известный беллетрист, Л. А. Толстой давно искал поле деятельности, которое дало бы ему возможность в полной мере проявить свои силы и способности. Кампании в помощь голодающим (в 1891—1892 и 1898—1899 годах) — при всей их несомненной важности в жизни Л. А. Толстого²⁶ — носили все-таки эпизодический характер. А Льву Толстому-младшему всегда хотелось иметь свое постоянное ДЕЛО. Случай такой не заставил себя долго ждать. Русско-японская война застала Л. А. Толстого с семьей в Египте, где лечилась жарким климатом его жена²⁷. Возвращение в Россию затягивалось, и планы Л. А. Толстого менялись чаще, чем письма его с очередными проектами успевали дойти до Ясной Поляны.

Свойство беспокойной природы своих детей С. А. Толстая в письме к сыну Леве от 24 января 1900 года определила так: «<...> вы, Толстые, главное, все ищите чего-нибудь в жизни или необычайное или подвергаете мелкому анализу и осуждению»²⁸. К адресату письма, во всяком случае, эти слова относятся в полной мере.

С началом русско-японской войны в сознании Л. А. Толстого постепенно вызревала мысль о том, что ему суждено стать одним из возможных спасителей Отечества и важно донести свою точку зрения на развитие событий до русского народа и его царя. В этом убеждает нас переписка Л. А. Толстого с С. А. Толстой и Л. Н. Толстым, в которой отражены и перепады настроения, вызванные неудачами в войне, и усиливающиеся шовинистические настроения, порожденные ложно понятым патриотизмом. Здесь, как нам кажется, истоки того миссионерского начала, которое так ярко проявилось в письмах Л. А. Толстого к царю и в серии статей, опубликованных в 1904—1905 годах на страницах «Нового времени».

14 февраля (нов. ст.) 1904 года Л. А. Толстой писал С. А. Толстой из Асуана: «<...> я сидел все утро и читал газеты всех наций и освещение войны. Беду мы заварим на земном шаре и нелегко ее расхлебываем. Я почти уверен, что весной будет европейская <война> и мы подойдем из Черного моря к Константинополю. Французы не на шутку готовятся за нас заступаться, а если это случится, то „пошла писать губерния“.

Все это ужасно. Сначала меня это огорчило до боли, а потом так завлекло, что теперь я невольно жду и желаю наших побед, симпатизирую французам и не люблю англичан, с которыми тем не менее все-таки продолжаю постоянно дружить.

Страшно для нас то, что японцы — большие ловкачи и хитрецы и могут завести нас в такую ловушку, из которой мы не выскочим. Отрезать армию от сообщений и потом разбить, обмануть, обойти — все это они могут. Впрочем, это война. Не знаю, кому желать успеха, если спрашивать чувство, а не разум. Если бы нас хорошенько наказали, мы бы стали умнее. Во всяком случае, эта война нас разбудит. Пульс уже теперь бьется, вероятно, быстрее по всей России. Мне жаль, что я не дома. Вот судьба меня как швыряет по ветру. Теперь весной очень вероятно, что мы не проберемся через Босфор и придется ехать домой через Италию. Здесь интересна, кроме народа и природы, старина, которой особенно много я видел в старых Фивах (Луксоре). Удивительны эти храмы и гробницы 5—6 тысяч лет, с

²⁶ См.: Толстой Л. А. В голодные года: (Записки и статьи.) М., 1900.

²⁷ Толстая Дора Федоровна (урожд. Вестерлуна; 1878—1933).

²⁸ ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 679. Л. 5 об.

разными божествами, с мумиями и громадным, когда-то затраченным человеческим трудом.

Когда смотришь на все это под этим тропическим солнцем, не верится, что все это сделано людьми. На днях в Луксоре, когда я, вернувшись из Фив, читал телеграммы о войне, мне опять не верилось, что все это там происходит, — похоже на какую-то дикую сказку. Вообще здесь живешь в каком-то тумане, сердце бьется 100 ударов в минуту, и мысли бегут с такой же быстротой.

Путешествую я с одним шведом и вчера познакомился здесь еще с одной шведской семьей. Встречаешь людей всех национальностей, и французов, и румын, и американцев, и, благодаря моему имени, со мной все знакомятся. На пароходе из Луксора сюда узнал положительно всех. Надо сказать, что имя Толстого все-таки больше любимо французами, горячее и искреннее других, — во всяком случае, это мое впечатление.

Англичане знают, да не все понимают. Немцы знают, но не вполне доверяют. <...>²⁹.

На следующий день, 15 февраля (нов. ст.) 1904 года Л. Л. Толстой продолжил разговор, но с несколько другой точки зрения:

«Милая мама, вчера написал Вам письмо отсюда и жаль, что глупо о японцах. Мне их больше жаль, чем наших, несмотря на глупое патристическое чувство, проснувшееся после наших неудач. Что они там делают? Что это за господин Алексеев?³⁰ Морда у него самая неприличная, точно с перепоя.

Наезжать на собственные мины в Порт-Артуре, оставлять в Чемульпо два одиноких крейсера³¹, не быть готовым к неожиданному нападению³², — все это производит грустное впечатление. Эта неумытая, грубая баба, Россия, пока проснется и расправит члены, и сама себе пальцы ушибет, и других расстрожит. Смотрите, что теперь делается по свету? Что только пишут газеты! Одна мусульманская возбуждает против нас весь Восток. Англичане читали с удовольствием о наших неудачах и, как мухи, облепляли вывешиваемые здесь в гостиницах и клубах телеграммы³³. <...>

²⁹ ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14290. Л. 1—3.

³⁰ Алексеев Евгений Иванович (1843—1909) — адмирал, с 1903 года — наместник царя на Дальнем Востоке, с 1904 года — главнокомандующий вооруженными силами России на Дальнем Востоке. О его карьере см.: *Витте С. Ю. Воспоминания*. Т. 2. С. 292—293.

³¹ В ночь на 27 января (9 февраля) 1904 года японская эскадра напала на два русских корабля у порта Чемульпо (Инчхон) на побережье Желтого моря. Моряки приняли неравный бой и, не желая сдаваться, потопили крейсер «Варяг» и взорвали канонерскую лодку «Кореец».

³² Лишь на следующий день после вероломного нападения, 28 января (10 февраля) 1904 года Япония объявила войну России. Однако царское правительство должно было предвидеть такой поворот событий, так как 24 января (6 февраля) 1904 года Япония порвала дипломатические отношения с Россией.

³³ Ранее, 10 (23) января 1904 года Л. Л. Толстой жаловался С. А. Толстой на засилье англичан в Египте: «Англичане мне надоели. Только golf да другие игры, материальные интересы и эгоизм. Очень желают, чтобы мы подрались с японцами. Впрочем, не все такие, но большинство <...>» (ГМТ. Архив С. А. Толстой. № 14289. Л. 2 об.).

Что слышно об Ольгином брате³⁴ в Порт-Артуре? Участвовал ли он в битве?³⁵ Увеличились ли заказы на тульском заводе?³⁶ Что говорят о Черноморской эскадре?³⁷ Что за демонстрации были в Петербурге?³⁸ Что говорит о войне папа?»³⁹

Вскоре, узнав о намерении младшего брата Андрея отправиться на войну⁴⁰, А. Л. Толстой 22 марта (нов. ст.) 1904 года отправил в Ясную Поляну письмо с изложением своей точки зрения на развитие событий в ближайшем и отдаленном будущем. Письмо, не совсем обычное для родственного. Скорее, в нем угадывается будущий собеседник Николая II. Вчитаемся вни-

34 Иосиф Константинович Дитерихс (1868—1931), брат Ольги Константиновны Толстой (урожд. Дитерихс; 1872—1951), первой жены А. Л. Толстого. См. о нем коммент. 41.

35 Сведений об участии И. К. Дитерихса в русско-японской войне нет.

36 Сведения об этом в тульских газетах за январь—февраль 1904 года отсутствуют.

37 Черноморская эскадра не могла выйти в проливы Босфор и Дарданеллы без разрешения Турции и Англии после русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

38 4 февраля 1904 года М. Горький писал Е. П. Пешковой: «Студенты, участвовавшие в манифестации перед Зимним дворцом, — члены „Русского собрания“ и общества „Денница“, состоящего под покровительством принца Ольденбургского. Общество это преследует цели нравственного самоусовершенствования. <...> Здесь манифестации — промысел, недурно оплачиваемый заинтересованными людьми» (Переписка М. Горького. В 2 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1 С. 245—246). Об этом же позднее писал Витте: «Администрацией был устроен ряд уличных манифестаций, но они не встретили никакого сочувствия. Было сразу видно, что война эта крайне непопулярна, что народ ее не желает, а большинство проклинает. Уже по одному этому ожидать хороших результатов от войны было невозможно» (Витте С.Ю. Воспоминания Т. 2. С. 291). Русская пресса весьма скупо писала об этих демонстрациях, хотя, разумеется, проправительственные газеты иначе освещали события. Так, по словам корреспондента «Нового времени», 31 января днем на Невском проспекте «огромная толпа петербургских гимназистов и реалистов с национальными флагами в руках передних рядов стройно двигалась от Адмиралтейства к Аничковскому дворцу. Все время молодые груди пели с энтузиазмом гимн и кричали „ура!“» (Новое время. СПб., 1904. 1(14) февр. № 10026. С. 45; см. также: Русь. СПб., 1904. 2(15) февр. № 52. С. 2—4).

39 В феврале 1904 года А. Н. Толстой работал над статьей «Одумайтесь!» (см.: ПСС. Т. 55. С. 12—13). Кроме того, 9 февраля 1904 года на телеграфный запрос филаделфийской газеты «North-American Newspress», за кого он: за Россию или за Японию, Толстой ответил так: «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий класс обеих стран, обманутый правительствами и вынужденный воевать противно собственному благосостоянию, своей совести и религии» (там же. С. 400).

40 Толстой Андрей Львович (1877—1916). 24 января (ст. ст.) 1904 года С. А. Толстая писала А. Л. Толстому о нем: «Он собирается на японскую войну, которая теперь поглощает внимание всех <...>» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 683. Л. 6).

мательно в эти строки: «У меня родился новый план — ехать в мае, июне на войну корреспондентом. Хотелось бы осуществить. Боюсь только оставлять семью. Но если бы Сухотины приехали в Крым⁴¹, было бы легко сделать это. Если не увидишь сам того, что теперь делается там, на Востоке, никогда не поймешь, как следует, значения этого. А значение большое, громадное для России. Поразительна эта горячка жертвований на флот и общее сознание необходимости этого⁴².

Мне ясно отсюда, что это действительно необходимо, и только, когда именно мы, Россия будет настолько сильна на морях, ее окружающих, что никакая другая держава не будет в состоянии с ней бороться и она будет держать в повиновении мир, могут прекратиться войны. На то, чтобы Россия покрыла собой всю землю, нужно еще тысяч семь, восемь лет⁴³, если мы будем продолжать так быстро расти, как росли с начала Новгорода или даже Московского княжества. Еще тысячу лет для покорения всего азиатского материка, еще тысячу пять лет на покорение и слияние с народами остальных материков Америки, Африки и Австралии. И вот одно человечество готово. Это внешний путь под гегемонией России. Россия же даст другой путь, к тому же — духовный, необходимый одновременно с внешним, — постановка идеала. Папа с этим не согласится. МАЛЕШ! (Значит по-арабски — „ничего“, „пуст“). Если с этим не соглашаться, надо думать, что весь мир идет не туда, куда следует, не тем путем и он должен повернуть обратно. Но он не делает этого и не сделает, пройдя уже половину дороги. Он может только сознательнее относиться к тому, что он делает, видеть ближе осуществление стремлений, но не может достигать их раньше срока, пока общее сознание людей не выше современного. Замечательно, что оно и растет-то вместе с распространением внешней культуры силой. Прежде надо покорить страну и народ, потом административно устроить, потом научить грамоте, потом нравственности и духовному сознанию. Здесьние дикари, арабы или суданцы, или наш мужик в глуши Самарской губернии никогда не поймут зла войны, пока его не научат грамоте.

Египту я благодарен за то, что он открыл мне на многое глаза, а главное, уяснил ход всемирной истории. Я верю, что Россия призвана объединить человечество, и вижу, что она делает это постоянно, и всячески очень жаль японцев, и вместе с тем они вызывают к себе гадливое чувство, как комары, напившиеся кровью, которых приходится раздавить.

41 В письме к сестре, Татьяне Львовне Сухотиной (1864—1950), от 20 февраля (13 марта) 1904 года из Хелуана Л. А. Толстой усиленно звал ее с мужем в Крым, куда он сам с семьей планировал приехать в конце апреля 1904 года (см.: ГМТ. Архив Т. А. Сухотиной-Толстой. Ед. хр. 26468. Л. 1—2 об.).

42 Газеты начали писать о приеме жертвований на нужды армии и флота с первых дней войны (см., напр.: Новое время. СПб., 1904. 1(14) февр. № 10026. С. 3).

43 В ответ вечером 23 марта (ст. ст.) 1904 года С. А. Толстая писала сыну: «Милый Лева, папа даже огорчился, прочитав твое длинное письмо о том, как через несколько тысяч лет Россия овладеет всем миром. „Что это, точно он с ума сошел, — говорил папа. — Как же можно думать о том, что будет через семь, восемь тысяч лет!“ Видно, у тебя воображение очень разрослось от болезни и жаркого климата» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 683. Л. 16).

Желтые люди, Китай, Япония и Корея, — это только желтый фон, основа, на которой призваны работать белые люди во главе с Россией, как Россия покрыла собой татар и других инородцев. Замечательно, что мы всех покрываем и никто не покрывает нас. Ни один народ никогда в истории не показал этой расовой мощи. Европейцы никто не сделает этого. Напротив, мы опять же покрываем и растворяем в себе всех европейцев: и немцев, и поляков, ближних соседей, и начали то же с более отдаленными — англичанами, французами, итальянцами. Все они только наши слуги, наши приказчики, наши школьные учителя, которых всех заменят в будущем их ученики. Вот какие мысли возникли в моей голове по поводу этой войны. Мне кажется, они справедливы, несмотря на их нескромность. Россия по географическому положению занимает площадь, равную чуть ли не 1/4 мира, и потому, естественно, она призвана в нем господствовать. <...> Как бы я поговорил теперь с папá обо всем, что здесь набросал»⁴⁴.

6 апреля (нов. ст.) 1904 года Л. Л. Толстой адресовал свое письмо в Ясную Поляну непосредственно Л. Н. Толстому: «Милый папá, я очень рад, что ты счел мое письмо к мамá о будущем России сумасшедшим»⁴⁵. Это совершенно справедливо и мне совестно за него и за то дурное настроение, в котором я жил в последнее время. Чрезмерное умственное и физическое возбуждение от здешней весны породило это состояние духа. Слава Богу, кажется, я снова оправился и овладел собой. <...>

Надеюсь, что этот дурной период был полезен и поучителен. Трудно без уроков держаться правды.

<...> О войне еще не решил. Хочется ехать, но, во-1-х, жаль оставлять семью и не должно делать этого; во-2-х, сам теперь физически очень непрочен. Целую тебя, и мамá, и Санечку⁴⁶, и кланяюсь Жюли⁴⁷ и Никитину⁴⁸. Неужели я живой попаду к вам опять<?> Очень мечтаю перетянуть Д<ору> жить в Ясную Поляну.

Твой Лев»⁴⁹.

Незадолго до отъезда из Хелуана, 23 апреля (нов. ст.) 1904 года Л. Л. Толстой, не уверенный, что его предыдущее письмо дошло до Ясной Поляны, обратился к посредничеству С. А. Толстой, настолько важным представлялось ему в тот момент мнение отца: «Я писал папá о моих сомнениях, ехать или не ехать на Восток. Прошу его написать мне сейчас же, — вот так строго, — в Ялту, что он об этом думает. Я писал ему, почему мне не хочется ехать, — а за поездку — громадный интерес ее. Против, кроме семейн. обязанностей, непременно нарушение внутреннего спокойствия при

44 ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед.хр. 14295. Л. 2—4 об.

45 См. коммент. 44.

46 Толстая Александра Львовна (1884—1979), младшая сестра Л. Л. Толстого.

47 Игумнова Юлия Ивановна (1871—1940), художница; в Ясной Поляне жила в качестве помощницы и секретаря Л. Н. Толстого.

48 Никитин Дмитрий Васильевич (1874—1960), домашний врач Толстых в эти годы.

49 ГМТ. Архив Л. Н. Толстого. П. 108/12, № 71. Л. 1—2.

виде всей этой людской грязи. Очень жду на это письма от папа: Ялта, до востребования⁵⁰.

Удивительные законы судьбы управляют нами. Гибель Макарова⁵¹, Верещагина⁵², отставка Алексеева⁵³ — все это неизбежные следствия известных событий, характеров и условий, которые делают историю и готовят ее будущее. Жаль людей, но не жаль Алексеевых и Макаровых, не годных для такой важной войны, как японская⁵⁴. Тут выдвинулись люди осторожные и умные, энергичные и серьезные, и не годятся фанфароны и чиновники⁵⁵.

Ответ отца и возвращение в Россию 22 апреля (ст. ст.) 1904 года умиротворяюще подействовали на Л. Л. Толстого. в первом же письме из Ялты 26 апреля 1904 года он поспешил успокоить Л. Н. Толстого⁵⁶: "Милый

50 Л. Н. Толстой сразу же откликнулся на просьбу сына: «Получил, милый Лева, твое письмо и как всегда собирался ответить, когда придет срок отвечать на многие письма, но нынче получила твое письмо мама и спешу ответить на твой вопрос:

«...» прямой мой ответ на твой вопрос тот, что главное можно уехать только тогда, когда жена искренно согласна на это и не будет страдать, или будет больше страдать, если ты не уедешь, чем если уедешь. Другое то, что нежелательно связываться с „Нов. Вр.“. Очень уже оно, т.е. направление его, нехорошо. А что интересно тебе и манит в твои молодые года и в состоянии полной силы, я очень понимаю.

Для меня безумие, преступность войны, особенно в последнее время, когда я писал и потому и много думал о войне, так ясны, что кроме этого безумия и преступности ничего не могу в ней видеть, и мне кажется, что по отношению к войне всякий нравственный человек должен только стараться устраниться от нее, не участвовать в ней, чтобы не забрызгаться ее мерзостью.

«...» Очень радуюсь увидеть тебя. Надеюсь, что ты приедешь к нам по-прежнему добрым и хорошим...» (ПСС. Т. 75. С. 74—75). В ПСС письмо условно датировано 15(?) апреля (ст.ст.) 1904 года. В копии, сохранившейся в архиве Л. Л. Толстого, другая дата: 19 апреля 1904 года (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 702. Л. 48).

51 Макаров Степан Осипович (1848—1904) — вице-адмирал, командующий Тихоокеанским военным флотом, погиб 31 марта (13 апреля) 1904 года на броненосце «Петропавловск», подорвавшимся на mine.

52 Верещагин Василий Васильевич (1842—1904) — художник, погиб в тот же день при взрыве броненосца «Петропавловск».

53 Адмирал Алексеев до октября 1904 года оставался главнокомандующим вооруженными силами России на Дальнем Востоке.

54 Л. Л. Толстой ошибочно объединил ученого, океанографа, изобретателя, полярного исследователя и флотоводца вице-адмирала Макарова с адмиралом Алексеевым, чьи действия в качестве наместника царя на Дальнем Востоке ускорили начало русско-японской войны.

55 ГМГ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14300. Л. 1—2 об.

56 Позиция сына всерьез тревожила Л. Н. Толстого. Под впечатлением писем Л. Л. Толстого из Египта, он 24 апреля 1904 года пометил в записной книжке: «Тяжелый спор слевой» (ПСС. Т. 55. С. 190).

папа, спасибо за доброе письмо. На войну я не поеду, хотя мне это очень и очень жаль. Не поеду потому прежде всего, что это неразумно и не обязательно. Кроме того, лучше оставаться с семьей и скромно делать дома и в тишине, что можно. <...> Весна здесь, вся в цветах и аромате, после Сахары для нас всех, как рай. Грустно только война и гнет от нее над всеми.

<...> Внутренняя жизнь моя шла вяло в суете движения. Никак не удерживаюсь на высоте сознания и все время поступаешь против.

<...> Я испортился в Египте, огрубел духовно, ослаб и физически, и умственно. Надо начинать многое сначала. Главное, спугало меня то, что я многое новое увидел и узнал, отвлекшее меня от моей личной жизни и взглядов на мир. Надо снова находить и устанавливать их 300 лет.

Постараемся скорее привести себя в порядок, и, Бог даст, это удастся. Ну, до свидания. Целую вас всех.

Лев»⁵⁷.

Но уже 16 июня 1904 года из Алушки Л. Л. Толстой отправил в Ясную Поляну подробный анализ текущих событий со своей точки зрения, претерпевшей за несколько месяцев серьезные изменения. «Милый папа, так как я не раз обращался к твоим и моим с просьбой выслать мне твою статью о войне и они ничего мне не посылают, очень прошу тебя „приказать“ им поскорее мне сделать это. Интересуюсь этим не попусту. Если бы написал мне, очень бы обрадовал»⁵⁸. Соскучился по тебе и всех вас, но не еду потому, что еще не пришло время. <...> Огорчает меня и война, не выходящая из головы ни днем, ни ночью. Чувствую себя виноватым в том, что, не скажу, не участвую в ней, а мало за нее и от нее страдаю. Хотя, вероятно, это страдание и выражается тем, что она все мерещится и не дает покоя. Тебе, еще яснее видящему все ее безумие как следствие заблуждения человечества, конечно, все это понятно.

И хуже всего ведь то, что народы, глядя на японскую войну, не возмущаются ею, — исключая единичных людей, — не спешат скорее прекратить эти ужасы, снять тяжесть милитаризма, разоружиться, а напротив, лихорадочно строят еще новые броненосцы, ассигнуют еще миллиарды на военные издержки, вытягивая их из земли и народам бедствие. Если такое озверение и тьма в людях будут продолжаться и развиваться, то что же будет?

Всякая нравственность, все доброе может исчезнуть с лица земли, и духовный прогресс может не только задержаться, но совершенно прекратиться. В такой резне не может быть сильнейшего раз и навсегда. Сегодня побеждают японцы; завтра — русские; послезавтра — буры, потом англичане, американцы, немцы, потом опять сначала и так без конца, пока люди не опомнятся.

Ты думаешь, что религия спасет от всего этого, и ты, конечно, прав. Но разве нет ближайших средств, в существующих формах жизни, для того же? Мне кажется, что, если бы политика народов стала нравственной,

⁵⁷ ГМТ. Архив Л. Н. Толстого. П. 108/12. Ед. хр. 72. Л. 1—3.

⁵⁸ 1 июля 1904 года Л. Н. Толстой писал сыну: «Милый Лева, пожалуйста, не осуди меня за то, что долго не отвечал на твое письмо и теперь отвечаю только несколько слов. Твое письмо хорошее, умное, и мне приятно было читать его. Не писал я и теперь пишу мало только п. ч. всё это летнее время чувствую себя особенно умственно неподвижным и для малейшей умствен. деятельности нужно усилие. <...> Прощай, голубчик. Всегда с любовью вспоминаю тебя. Л. Т.» (ПСС. Т. 75. С. 133—134).

если бы дипломаты не были бы дипломатами в слепом смысле этого слова, а стали бы христианами, и с ними вместе — правительства, то очень легко мы могли бы избежать войны. Уступить японцам, что они просят. Убраться из Порт-Артура. Очистить Маньчжурию. Если бы правительство поняло, что такие внешние захваты никогда не бывают прочны, что только мирным путем, трудом и торговлей можно прочно победить страну, оно бы непременно сделало это. Но оно рассуждает иначе и от этого войны, смерти, разорение, страдания и всякое зло.

Ты скажешь, что правительство, по своему существу, не может быть нравственным. Ни дипломатия, ни какая другая власть. Почему? Например, директор какой-нибудь школы, управляющий дороги, — ведь могут же они поступать совершенно нравственно, управляя своими подчиненными.

Но для этого нужно разумное правительство, сознательно разумное и потому нравственное. Я уверен, что мирным путем было бы очень легко разрешить русско-японское столкновение, если бы во главе правительства стояли более разумные и нравственные люди. Ты скажешь, что такие и не пойдут в них. Но ведь были же в Риме „адетивные“, нравственные императоры, лучшие люди страны, и даже тогда они делали очень много своим добрым, разумным отношением к жизни.

Неужели нельзя сговориться с людьми? С китайцами и японцами, бурами и арабами, так же, как мы сговариваемся все пока с немцами, с французами. Положим, французы еще недавно были нашими врагами, но я думаю, что они никогда больше не будут ими.

Мне кажется, что так как нельзя представить себе жизни сейчас, завтра без власти, в форме анархии, то и нельзя себе представить всечеловеческий мир без нравственной власти. Только она может дать его. Только не надо бояться, что японцы придут в Корею и в Маньчжурию, китайцы — в Сибирь, шведы — в Финляндию. Милости просим. Очень рады, благодарны. Если мы не будем трогать их, и они не тронут нас. Но этого же никто понять не хочет. Правительства всего мира не понимают этого, кроме разве Китая, который потому и победит мир, если он не опомнится.

Как видишь, у меня, слава Богу, немного уложился ход мыслей с переездом сюда из шального Египта. Хотя на войну я никогда не смотрел иначе, даже в минуту глупого патриотического увлечения. Если я писал, что Россия победит мир, а не Китай, то <имел в виду> разумную победу не оружием, а разумным сознанием, мудростью. Если же мы будем продолжать делать такие жестокие глупости, как теперь, мы можем ослабить себя непоправимо. Я уверен, что с окончанием этой войны с особенной силой проснется отвращение к ней и будет сделан если не окончательный, то близкий шаг к полному прекращению этого безумства. С такой точки зрения, конечно, Россия кругом виновата в этой войне тем, что она уже совершенно пренебрегла нравственной стороной дела по отношению к более слабому народу. Но какое нужно было бы мужество правителя уступить тут до конца. А что было необходимо, и было бы вполне разумно и нравственно, а потому и полезно всем людям. Вот какие мысли меня занимают эти дни. Пришли, пожалуйста, статью⁵⁹ и прости, что длинно.

Любящий тебя очень
Лева»⁶⁰.

⁵⁹ Речь идет о статье Л. Н. Толстого «Одумайтесь!», напечатанной в Англии 13—14 июля 1904 года в журнале «Свободное слово» (№ 91. Стлб. 7).

⁶⁰ ГМТ. Архив Л. Н. Толстого. П. 108/12. Ед. хр. 73. Л. 1—4 об.

Однако, когда 4 июля 1904 года Л. Л. Толстой приехал в Ясную Поляну⁶¹, сразу же выяснилось, что точек соприкосновения отца с сыном стало намного меньше, чем казалось на расстоянии. Радости этот месяц в родном доме не принес ни Л. Н. Толстому, ни Льву Львовичу. В своем дневнике он записал 15 июля 1904 года: «Тяжелая, трудная здесь жизнь для человека, который ищет правды»⁶².

Проводив младшего брата Андрея в армию⁶³, Л. Л. Толстой в августе 1904 года уехал в Петербург и активно включился в литературную и общественно-политическую жизнь России. Как журналист, он давно тяготел к кругу одного из наиболее влиятельных русских издателей — А. С. Суворина⁶⁴. Вот и теперь, не получив необходимой поддержки своих взглядов на продолжающуюся русско-японскую войну и будущее России у своих родных и прежде всего — у Л. Н. Толстого, Лев Львович вновь начал подумывать об отъезде на театр сражений. Однако Суворин отверг эту идею. 12 августа 1904 года он записал в дневнике: «Отклонил предложение Л. Л. Толстого ехать корреспондентом нашим. Когда-то там что будет. Пока скверно»⁶⁵. Но деятельная натура Л. Л. Толстого тут же нашла другой способ участия в политической жизни России⁶⁶.

* * *

Л. Л. Толстой и раньше выступал в печати не только как беллетрист и драматург, но и как публицист. Теперь же именно эта сторона его дарования пришла к как нельзя более к стати. В частности, в цикле статей, объединенных под названием «Мысли и жизнь», Л. Л. Толстой писал: «Тяжелое переживаем время. Но я убежден, что оно минует и после него наступит светлое, бесконечно радостное время, — время обновления России.

Много слышится голосов, глубоко пессимистических и безнадежных, а то и просто усталых и вялых, отзывающихся на современные события. Но как жалки, недостойны эти голоса рядом со стойким, спокойным и мудрым отношением русского народа к настоящей войне, как ко всякой войне.

61 См. запись в дневнике Л. Л. Толстого (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 2. Л. 27).

62 Там же. Л. 27 об.—28.

63 ПСС. Т. 55. С. 72. См. также: *Толстая С. А. Дневники: В 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 2. С. 103—106.*

64 В архиве А. С. Суворина сохранились письма Л. Л. Толстого 1894—1910 годов, которые еще ждут своей публикации. В одном из недатированных писем Л. Л. Толстой признался Суворину: «Я иногда чувствую к Вам больше близости, чем к родному отцу, в вопросах принципиальных» (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4247. Л. 15 об.—16).

65 *Суворин А. С. Дневник. М.; Пг., 1923. С. 37.*

66 Кроме того, именно осенью 1904 года Л. Л. Толстой приступил к организации книготорговой фирмы, получившей название «Доброе дело». 18 сентября 1904 года он писал С. А. Толстой: «Главная цель моя — это „Посредник“ в Петербурге, народная книга и сношение с деревней, земствами и другими. Будем продавать и нравственность, и гигиену, и трезвость, и вегетарианство. <...> Я очень занят всем этим и так как хочется и хотелось движения, то не жалею пока» (ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14311. Л. 1—2). По замыслу Л. Л. Толстого, «Доброе дело» должно было способствовать внедрению культуры в самые широкие слои русского общества.

<...> какое глубокое, мудрое, праведное, именно праведное, то есть мудро справедливое и правильное отношение у этого народа к тому, что называется и есть война, т. е. борьба не на живот, а на смерть за свою народность и свою страну.

<...> Настоящая война на Дальнем Востоке — война великая, какой не видела Россия с Петра. Она идет за обладание восточным берегом великого европейско-азиатского материка, как во времена Петра шли войны за обладание западным.

Как в борьбе со шведами, у нас была сперва Нарва⁶⁷, а потом явилась Полтава, под которой швед погиб⁶⁸, так и в борьбе с японцами, азиатскими шведами, живущими на островах и по географическому положению своему на конце материка схожими со Скандинавией, у нас сперва будут с ними и уже были неудачи, но потом неизбежно должна явиться „Полтава“, под которой погибнет японец!

Надо быть необыкновенно малодушным и необыкновенно близоруким, чтобы не видеть конечного результата войны. Стоит только для этого взглянуть на карту. Стоит взглянуть на Россию, на ее пространства, села, поля, леса, озера, горы, на ее народ, чтобы убедиться в этом. Россия непобеждена, Россия — страна, единственная в мире по своему народу, географии, климату, мощи духовной и умственной, темпераменту, миролюбию, способностям, призванию. России принадлежит будущее земли, несмотря ни на какие современные беды.

Прошлой зимой в Египте я говорил моим друзьям-англичанам: „Будьте уверены, не вы, а мы осуществим вашу мечту всемирного владычества. И мы сделаем это естественно, силой вещей и судьб. Народ, занимающий северную полосу земного шара от афинских скал до отважной Японии, сильнее всех народов земного шара, и если он еще не дорос до того, чтобы явно показать это свое превосходство, он имеет все данные, чтобы сделать это. Он покрывает все соседние народы и всех впитывает в себя. Он покорил Крым, Кавказ, Восточную Россию, Сибирь, западные окраины, и теперь везде там Россия и никогда не будет ничто другое. Татары уже между собой стали говорить по-русски; то же самое будет везде. Мы и вас, англичан, вытесним и отсюда, из Египта, и из Индии. В этом я никогда не сомневался“.

Мои друзья-англичане громко и самодовольно смеялись на мои легкомысленные речи. Но я верю в них и буду верить до могилы. Россия — непобедима»⁶⁹.

Так идеи, еще совсем недавно признанные самим автором как сумасшедшие⁷⁰, стали теперь достоянием русской общественности и вызвали определенный резонанс в обеих столицах⁷¹ и в провинции.

67 В начале Северной войны 19 ноября 1700 года русские войска потерпели поражение от шведской армии под Нарвой. Лишь 9 августа 1704 года шведы были изгнаны из Нарвы.

68 27 июня (8 июля) 1709 года русские войска под командованием Петра I нанесли решительное поражение шведской армии в районе Полтавы.

69 Новое время. СПб., 1904. 15(28) сент. № 10252. С. 4.

70 См. выше письмо Л. Л. Толстого к отцу от 6 апреля (нов. ст.) 1904 года.

71 Статьи Л. Л. Толстого одновременно печатались и в Москве (см.: Телефон «Нового Времени». М., 1904. 15(28) сент. Вечернее (2-е) издание. № 56. С. 3.

Даже «Новое время», на страницах которого появилась статья Л. Л. Толстого, вскоре после этого предоставило слово своему постоянному автору М. О. Меньшикову⁷². В статье «Победима ли Россия» он писал: «„Россия непобедима!“ — восклицает граф Л. Л. Толстой...

Не правда ли, эти слова удивительны в дни теперешних страшных, переживаемых нами испытаний. <...>

Вот политическое кредо, которое за границей произведет, может быть, не меньший шум, чем известное письмо о нынешней войне старого графа Льва Толстого⁷³. Иностранцев прежде всего поразит, что из одной и той же русской семьи, из-под одних и тех же старых лип Ясной Поляны идут полярно противоположные убеждения, оба — крайние до последней степени. Отец отрицает всякую войну, всякую национальность, всякую государственность, всякую воинственность в народе русском. Сын же убежден в победах русского народа и не только над теперешним случайным врагом, но и над всеми дружественными народами, с которыми даже нет войны. Отец считает тяжким грехом даже оборону жизни, сын провозглашает наступление и в будущем всесветное наше владычество. <...>

<...> Вопреки гр. Л. Л. Толстому, я с глубокой скорбью думаю, что Россия не только побеждена, но может быть, в настоящих условиях она есть *самая победимая* из стран. <...> Только *организованные* народы непобедимы. Пока Россия боится себя самой, пока силы народные круто связаны, пока нация не признана в правах участия в своей жизни, — можно ли говорить о непобедимости и всесветном господстве?⁷⁴

Более резкую отповедь Л. Л. Толстому дал неизвестный читатель из швейцарского города Монтрё. 3 октября (нов. ст.) 1904 года он отправил в редакцию «Нового времени» письмо на имя Л. Л. Толстого.

«Милостивый Государь,

Ваша заметка в Новом Врем. „Мысли и Жизнь“ глубоко оскорбляет истинно русского человека своею *нетактичностью* по отношению к англичанам и другим нациям.

Что за цель, взявшись в боки, похваляться перед миром своими „легкомысленными речами“ и „глубоким убеждением самозванца-патриота“?

Неужели допустимо *теперь* восстанавливать такими нагло кичливыми фейерверками вслед за Японией и англичан, и *другие* народы!..

Только враг России может, взявшись в боки в такое тяжелое смертоносное время, — толкать в бока соседей и врагов нашей многострадальной, залитой кровью родины! Зачем эти гнусные: „Ан я вас всех схажу, ан мы вас всех с салом слопаем!“ К чему это?

Гнусно, стыдно — подобным предательским способом зарабатывать свой гонорар!.. — Гнусно, озверевши, подобно японцам, прозрачно высказывать свою радость на возможность унаследовать имение „брата войны“, ибо его легко может убить вражеская пуля, а вы — его наследник!.. Гнусно с презрением обзывать „слабонервными“ людей, жаждущих конца этой звериной бойни. К ужасу людей, не озверевших от жадности „схажать и слопать“ за счет чужих страданий — вы носите одинаковое имя и даже фамилию с великим „человеком“ нашей *Родины*. Его сын так *гнусно предавать свою родину врагам* не мог бы — а однофамилец — это самозванец, — жаждущий

⁷² Меньшиков Михаил Осипович (1859—1918) был в то время сотрудником «Нового времени». Его точка зрения была ближе к позиции издателя газеты, чем мнение Л. Л. Толстого.

⁷³ См. коммент. 59.

⁷⁴ Новое время. СПб. 1904. 19 сент. (2 окт.). № 10256. С. 4.

наживы и известности, как жаждал безумец Герострат, — но сжигающий свою совесть!

Поклонник Мамоны — уйдите прочь!»⁷⁵.

Как видим, накал страстей в полемике был весьма ощутим. И даже Суворин, к мнению которого Л. Л. Толстой, бесспорно, прислушивался, не мог сдержать миссионерского порыва своего нового автора. 24 сентября 1904 года он писал Л. Л. Толстому: «Лев Львович, дорогой <...> У Вас совершенно отцовская охота читать наставления. Может быть, это и хорошо, но я никогда не читал их и у Вашего отца, и мне кажется, что газета не есть нравоучительно-педагогическое чтение»⁷⁶. Но переубедить Л. Л. Толстого было невозможно. Он все больше входил во вкус общественно-политической жизни, с тем чтобы использовать свой шанс стать спасителем России...

* * *

А ситуация в стране действительно принимала необратимый характер. 1 декабря 1904 года Л. Л. Толстой писал С. А. Толстой из Петербурга: «В городе и обществе оживленно. Были безобразные наши русские беспорядки студентов и полиции, причем последняя, кажется, делала их гораздо больше первых. Был суд над „убийцами-героями“⁷⁷, запрещают новые либеральные газеты»⁷⁸.

<...> Статьи Кладо здесь наделали большого шума и доказывают, как гнило у нас сверху, во всех решительно сферах»⁷⁹.

Думаю, что весной здесь будут порядочные бесчинства и, кто знает, может быть, станет что-нибудь яснее определяться. Конечно, бесчинства ничему не помогают. Но они служат выражением того, что дальше изве-

⁷⁵ ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 847. Л. 1—2 об. Документ датируется условно по почтовому штемпелю отправителя на конверте (там же. Л. 3—3 об.).

⁷⁶ ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 640. Л. 14.

⁷⁷ 19 ноября 1904 года убийцы супруги генерал-лейтенанта Екатерины Константиновны Штрандтман и ее слуги, рядового Палаймо, предстали перед судом присяжных. Трое молодых людей были приговорены к каторжным работам: запасной горнист унтер-офицерского звания лейб-гвардии Преображенского полка Кадысев — бессрочно, а двое того же полка, запасной Клуев и рядовой Алексеев, получили по 20 лет каторги (см.: Новое время. СПб., 1904. 20 ноября (3 декабря). № 10318. С. 13; 21 ноября (4 декабря). № 10319. С. 6.

⁷⁸ Два предостережения, одно за другим, было объявлено юридической газете «Право» в ноябре—декабре 1904 года за статьи против продолжения русско-японской войны (см.: Право. № 49. Стлб. 3369).

⁷⁹ Военно-морской капитан, участник похода 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток, Николай Лаврентьевич Кладо (1862—1919) с 11(24) ноября 1904 года по 19 ноября (2 декабря) 1904 года опубликовал под псевдонимом Прибой серию из 9 статей под названием «После ухода 2-й эскадры Тихого океана», из которых следовало, что корабли не подготовлены к такому длительному переходу и было нецелесообразно отправлять их в поход (см.: Новое время. СПб., 1904. №№ 10309—10317. После нападок морских чиновников автор опубликовал под своим именем статью: «Большой ответ на маленький вопрос г-на капитана 2 ранга Х» (там же. 1904. 21 ноября (4 декабря). № 10319. С. 4).

стный порядок держаться не может. Дай Бог, чтобы новое на его место пришло возможно приличным и мирным путем. Но, кажется, для коренного нового еще недостаточно сделано»⁸⁰.

В этом же письме есть глухое упоминание о новом сочинении, над которым Л. А. Толстой в то время работал: «Теперь занялся новой пьесой, которая начинает увлекать меня»⁸¹.

В переписке с родными об этом произведении Л. А. Толстой почти не упоминал, хотя в скором времени о ней стало известно в высочайших правительственных учреждениях, а также в русской и европейской печати. Речь идет о драме «За кулисами войны», имеющей к нашему сюжету самое непосредственное отношение. Именно она послужила причиной для первого обращения Л. А. Толстого к Николаю II 3 января 1905 года. Одновременно пьеса поступила в Комитет по драматической цензуре, и уже 7 января 1905 года цензор И. Литвинов дал свое заключение:

«„ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ“

Драма в 4-х действиях гр. Л. А. Толстого

С открытия военных действий многие драматурги стали писать патристические пьесы, в которых выводили русских героев, их проводы, бивачные сцены, возвращение раненых и т. п. Все подобные пьесы разрешались только при том условии, когда они проникнуты патристическим духом и способны подействовать на зрителя в ободряющем духе. Драма Л. А. Толстого принадлежит к категории резонерских и наводящих уныние произведений.

Полковник отправляется на войну и говорит: „Поздравьте меня“, жена раздражается монологом против войны, истерически смеется и, рыдая, говорит: „поздравьте его“.

Другой герой оставляет молодую жену и раненый возвращается, жена ему изменила и во всем признается, это дает повод полковнице произнести заключительный монолог об ужасах войны. Полковник, муж ее, убит. Остальные подробности очень мало отвлекают от основного мотива, наводящего тоску и уныние; я нахожу постановку подобной пьесы не своевременной и полагаю бы ее не разрешать.

Д<ействительный> с<татский> с<оветник>

И. Литвинов.

7 января 1905 года».

К мнению цензора прислушались в Главном управлении по делам печати, и на докладе появилась лаконичная резолюция: «Согласен. 7/1. Запр<етить>»⁸².

А через день события так резко изменили ситуацию, что у Л. А. Толстого даже не было времени огорчиться запрету пьесы. 9 января 1905 года он отправил в Ясную Поляну письмо с подробным изложением кровавых событий: «Сегодня у нас здесь настоящая революция. Мы были на Невском и сами видели раненых и слышали зловецкие залпы в толпу. Говорят, убитых и раненых сотни, Трубецкой⁸³ с женой проезжали около Мойки,

80 ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14318. Л. 2—2 об. Письмо адресовано также и Л. Н. Толстому: «Буду рад хоть несколькими строками от папа, и это письмо обращаю к нему одинаково, как и к Вам» (там же. Л. 1; приписано сбоку).

81 Там же. Л. 2.

82 РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Ед. хр. 24. Л. 3—3 об.

83 Л. А. Толстой был дружен со скульптором Паоло (Павлом Петровичем) Трубецким (1866—1938).

и подле них дали залп, от чего все обратились в бегство, кто на лошадях — карьером. Громадная толпа рабочих за Нарвской заставой шла с портретом царя и с иконами и в нее палили, убив многих. В город вызваны войска из Пскова, Ревеля и Нарвы. По Невскому несли убитых с пением „вечная память“. Стачка всеобщая. Газет не читаем уже третий день. Завтра ожидают стачки булочников и извозчиков. Все заказы на войну стали на судостроительных и других заводах. Я видел нескольких раненых с перерубленными лицами, хромых, на вид ужасных, по выражению и ужаса, и одичания. Петиция, которую хотели поднести царю рабочие в числе 40 000, касается политических вопросов. Говорят, что удовлетворить ее невозможно.

Был в „Новом Времени“ позднее. Там сбор всех издателей и, главное, типографских рабочих. Требования их также превышают то, что можно им дать, так что беспорядки не только скоро не утихнут, а, вероятно, увеличатся. В редакции меня окружили и ждали как будто, что я им решу все вопросы. Старик Суворин, Нотович⁸⁴, Ухтомский⁸⁵, Столыпин⁸⁶ и т. д. Никто ничего не знает и не понимает, чем это *безначалие* может кончиться. Я указывал, главное, на него. Ни земцы, ни рабочие, ни военные, ни полиция, ни правительство — никто ничего не могут сделать, каждый считает себя начальником, а настоящего нет, и потому все начинают бить друг друга. Убили бедную девушку-курсистку в числе других на Петербургской стороне. Брат нашего заведующего складом сам видел ее окровавленную на снегу. Стреляли дробью из ружей и из орудий. Завтра ожидают еще худшего. Все стоит и ничего нельзя сделать. Думал уехать, но и этого нельзя сделать, пока тут так неспокойно. Надо быть при семье. Того и гляди останемся без воды и света. Не пишу о множестве интересных вещей и в нашей личной и общественной жизни»⁸⁷.

12 января 1905 года редакторы петербургских газет были у министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского и вручили ему адрес совещания редакторов ежедневных изданий с требованием «предоставить печати полную свободу сообщения фактов и событий общественной жизни и обсуж-

84 Л. Л. Толстой был знаком с издателем-редактором «Новостей и биржевой газеты» Осипом (Иосифом) Константиновичем Нотовичем. 12 января 1903 года он отправил Нотовичу несколько своих статей («Реформа жизни. (Несколько мыслей вслух)», «Гигиена в школе», «Недостаток любви») и рассказ «Кто хочет этого» с просьбой поместить их в газете за подписью «Л. Толстой-сын» (см.: РГАЛИ. Ф. 339. Оп. 1. Ед. хр. 250. Л. 1). Нотович выполнил все просьбы молодого литератора и в течение первых трех месяцев 1903 года напечатал все рукописи Л. Л. Толстого. 13 августа 1903 года, посылая из Ясной Поляны Нотовичу открытое письмо для публикации его в газете, Л. Л. Толстой подчеркнул: «Вашу газету мы продолжаем читать здесь с интересом» (ИРЛИ. Ф. 207. Ед. хр. 199. Л. 1).

85 Ухтомский Эспер Эсперович (1861—1921) — поэт, журналист, редактор-арендатор газеты «Санкт-Петербургские ведомости», в которой в 1899—1900 годах Л. Л. Толстой опубликовал свои письма из Швеции, а также статью «Хлебные запасы» (1899. № 293).

86 Столыпин Александр Аркадьевич (род. 1863) — журналист, сотрудник газеты «Новое время».

87 ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14319. Л. 1—1 об.

дения их», а также созвать Земский Собор «для устройства государственного порядка в России»⁸⁸.

Через день, 14 января 1905 года на приеме у Святополк-Мирского появился Л. Л. Толстой, не знавший, что через несколько дней министр уйдет в отставку⁸⁹. Из дневника жены министра, княгини Е. А. Святополк-Мирской (урожд. гр. Бобринской), узнаем о некоторых деталях беседы: «<...> к сожалению, кто теперь любит государя? Замечательно, какая единоподушная ненависть. Сегодня был у П<епки>⁹⁰ Л. Л. Толстой, и он П<епке> говорил тоже об ужасном положении. Он говорит, что такое негодование на государя, что в обществе даже говорят, что, пока государь жив, ничего хорошего не будет»⁹¹.

На следующий день Л. Л. Толстой направил Святополк-Мирскому коротенькое послание, которое для нашего сюжета имеет большое значение и позволяет уточнить, как именно второе письмо Л. Л. Толстого попало к Николаю II:

«Многоуважаемый
Князь Петр Дмитриевич,

Сегодня я отправил заказным в Царское Село письмо Его Величеству, копию с которого прилагаю Вам с покорнейшей просьбой передать ее Государю, если письмо мое не дойдет до Него⁹². Решаюсь беспокоить Вас после свидания с Вами, которое останется для меня светлым воспоминанием.

Искренно уважающий Вас и преданный
Граф Лев Львович
Толстой.

15 января 05 г.
С. Петербург»⁹³.

А 16 января 1905 года Л. Л. Толстой направил в Ясную Поляну письмо-отчет о ситуации в Петербурге и о своем втором послании Николаю II: «Милая мама, Посылаю мое письмо к царю тем, кому оно интересно⁹⁴. Я передал его через кн. Святополка-Мирского, с которым виделся и который очень лю-

88 *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 336. См. также: Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904—1905 гг.//Исторические записки. М.: Наука, 1965. Т. 77. С. 280.

89 Отставка Святополк-Мирского была официально принята 18 января 1905 года (см.: там же. С. 279).

90 Так домашние называли Петра Дмитриевича Святополк-Мирского.

91 Исторические записки. Т. 77. С. 276—277.

92 Вероятно, Святополк-Мирский выполнил просьбу Л. Л. Толстого (см. об этом ниже в письме Л. Л. Толстого к С. А. Толстой от 16 января 1905 года; копии его письма к Николаю II в конверте нет).

93 ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 2. Ед. хр. 428. Л. 1.

94 Экземпляры, вложенные в конверт вместе с письмом к С. А. Толстой, не сохранились. Вероятно, как и хотел Л. Л. Толстой, они сразу же нашли заинтересованных читателей.

безно ко мне отнесся. Сегодня получил даже его карточку⁹⁵. Был у него по поводу моей драмы, которая запрещена. Обидно, но надо будет подождать с ней до будущей осени⁹⁶. Один экземпляр послал в Мюнхен для представления на немецкой сцене⁹⁷. Пьеса называется „За кулисами войны“.

<...> Я был очень занят и взволнован все это время. <...>

Здесь внутри очень и очень беспокойно. Очень недалеко большие и, вероятно, ужасные события. <...> Убьют царя и будет настоящее смутное время, вторая пугачевщина. И это не преувеличенное воображение, а двигающаяся действительность. Целую всех вас и завидую вашей тишине деревни. Но уехать отсюда, окунуться в снега — страшно, слишком большое отрезвление, которого не хочу потому, что время пришло далеко не трезвое, пьяное время, и хочется жить, жить со всеми. Все пьют, нет больше трезвых, да и нельзя им быть⁹⁸.

* * *

И возникает естественный вопрос: почему Л. Л. Толстой обратился с новым посланием к царю? На что рассчитывал он, отправляясь на аудиенцию к Николаю II? Может быть, ему хотелось, пользуясь тем, что он сын знаменитого Льва Толстого, попытаться изменить ход событий? Возможно, Л. Л. Толстому была известна точка зрения Суворина, 29 мая 1901 года записавшего в дневнике: «Два царя у нас: Николай второй и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии»⁹⁹.

И, может быть, в вечном споре, соперничестве с отцом Л. Л. Толстому в январе 1905 года показалось, что именно он, Лев Толстой-младший, сумеет не пошатнуть и без того качающийся трон, а, напротив, укрепит его? Не исключено, что Л. Л. Толстой просто решил посмотреть в глаза своему венценосному сверстнику. Ведь их сознательная жизнь началась с участия в организации помощи голодающим в 1891—1893 годах. Хотя, конечно, приобщение цесаревича к государственным делам¹⁰⁰ состоялось лишь формально.

95 В архиве Л. Л. Толстого ответ и карточка Святополк-Мирского не сохранились.

96 Премьера пьесы Л. Л. Толстого «За кулисами войны» состоялась 22 февраля 1906 года в театре Неметти (см. рецензию на постановку в газете «Слово». СПб., 1906. 24 февр. (9 марта), № 393. С. 7).

97 Об этом писало и «Новое время» 1905. (29 января (11 февраля), № 10381. С. 13; см. также: Театральная Россия. СПб., 1905. 5 февр., № 6. С. 86).

98 ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14320. Л. 1—2 об.

99 Суворин А. С. Дневник. С. 263.

100 В письме к сыну 5 марта 1893 года император Александр III подчеркнул, что он сознательно назначил великого князя председателем Особого комитета для помощи нуждающимся в местностях, постигнутых неурожаем, с целью приобщить его «<...> к заботам управления в годину трудного испытания, ниспосланного Божиим промыслом» (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 812. Л. 5—5 об.).

По словам Святополк-Мирского, Николай II обладал способностью ускользать от всего неприятного¹⁰¹. Близким ко двору людям он казался похожим на совершенного сфинкса. «Те, которые его лучше всех знают, сознаются, что его понять невозможно, умный ли он или глупый, добрый или злой»¹⁰². В то же время управляющий кабинетом царя, князь Н. Д. Оболенский не устал убеждать собеседников в том, что на российский самодержца можно и нужно влиять, проявляя настойчивость, преодолевая природную подозрительность Николая II и опираясь прежде всего на веру царя в то, что власть монарха — от Бога¹⁰³.

27 января 1905 года Л. А. Толстой получил свой шанс повлиять на ход истории¹⁰⁴. Вернувшись из Царского Села, он нашел записку Суворина: «Дорогой Лев Львович, не приедите ли Вы ко мне сейчас. Оболенский Д. Д.¹⁰⁵ говорил, что Вы были у Царя. У меня Немирович¹⁰⁶. Не порадуете ли Вы нас, а?»

Ваш А. Суворин»¹⁰⁷.

В тот же день Суворин поделился новостью с одним из постоянных авторов «Нового времени», писателем В. В. Розановым¹⁰⁸: «Сегодня у Государя 1 1/2 часа сидел Л. А. Толстой и говорил с ним о Земском Соборе»¹⁰⁹.

Вероятно, в первые дни после аудиенции у царя Л. А. Толстому не раз приходилось воссоздавать хотя бы в общих чертах беседу с Николаем II. Только 6 февраля 1905 года он поделился с С. А. Толстой своими переживаниями и размышлениями: «Милая мама, давно не писал, потому что меня терзали. Теперь немного тише и выбираю воскресный вечер, чтобы поговорить. <...> чувствую себя не в праве уехать после того, что писал царю в новом письме»¹¹⁰. Если меня оставят в покое, приеду к Вам в начале

101 Исторические записки. Т. 77. С. 251.

102 Там же. С. 271.

103 Там же. С. 250.

104 В этот день Николай II записал в дневнике: «Погоулял до завтрака. В 2 1/2 принял гр. Льва Толстого-сына» (Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 248).

105 Дмитрий Дмитриевич (Миташа) Оболенский (род. 1844) — давний друг семьи Толстых.

106 Василий Иванович Немирович-Данченко (1845—1936) незадолго до этого вернулся «с Дальнего Востока после одиннадцатимесячного пребывания на военных позициях» (Петербургская газета. 1905. 21 янв. № 13. С. 2.

107 РНБ. Ф. 115. Ед. хр. 66. Л. 21.

108 Розанов Василий Васильевич (1856—1919), философ, публицист, литературный критик, оставил ценные воспоминания о Суворине. По его словам, «Суворин <...> был Ломоносовым русской ежедневной прессы <...>» (Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. СПб., 1913. С. 40).

109 Там же. С. 157.

110 См. письмо от 30 января 1905 года, с. 140—141.

марта, когда у меня будет окончено много дела здесь и найдется дело в Москве. <...>

Я иногда тягочусь городской жизнью и делами, но пока чувствую себя еще недостойным жить тихой деревенской жизнью, такой, какой иногда хочется зажить в лучшие минуты с покоем душевным и умственным, чистым трудом. Это пока мечта. <...>

<...> Получаю письма по поводу статей в "Нов. Времени". Есть довольно неприятные¹¹¹. Есть сочувственные¹¹². После поездки в Царское одолели корреспонденты, которых теперь прямо не принимаю¹¹³. Вообще стали одолевать люди, не меньше, чем в Хамовниках, и я чувствую, что, проживи я еще 10 лет тут, совсем будет суетно. Но это ничего пока, хорошо и нужно и я охотно выдаю людей самых разнообразных. <...>

Время идет интереснейшее, но что оно принесет, Бог знает. Главная беда, что мало делают, мало напряжения и ясного сознания того, что только в живом, самоотверженном, сумасшедшем труде теперь все спасение. Я надеюсь, что Собор соберется и многое уяснит. Целую всех.

Лев¹¹⁴.

111 Откликов на первые статьи Л. А. Толстого в «Новом времени» в его архиве не сохранилось. Но представление о характере подобных писем можно получить, изучая мартовскую почту Л. А. Толстого. В частности, 22 марта 1905 года читатель «„Телефона“ Нового времени» предложил Л. А. Толстому самому пойти на войну, а не призывать к этому других и в заключение добавил: «Так вот, при чтении Ваших статей и не выходит из головы мысль: а ведь это у него родовое, наследственное; фразы и фразы, одни, увы, фразы!

А за них, кроме того, еще и платят!
Сторонник мира»

(ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 837. Л. 1—2; письмо датируется условно по почтовому штемпелю на конверте — там же. Л. 3; см. также: Ед. хр. 178, 848 и др.).

112 Сочувственные отклики на ранние статьи Л. А. Толстого о русско-японской войне были и в печати. В частности, редактор «Нивы» Ростислав Иванович Сементковский (1846—1914) в цикле очерков «Что нового в литературе?» в октябре 1904 года остановился подробно на полемике Л. А. Толстого с Меньшиковым и в этом споре принял сторону Л. А. Толстого (см.: Нива: Ежемес. лит. и попул.-науч. прил. СПб., 1904. Кн. 10. Стлб. 333—336; см. также: ИРЛИ. Ф. 303, №№ 306, 336, 353, 614 и др.).

113 Репортажей о посещении Л. А. Толстым Царского Села в столичной печати не было. Глухое упоминание встретилось на страницах ежедневной газеты, выходившей без предварительной цензуры, «Наши дни». 4 февраля 1905 года в разделе «Вечерние новости», среди других сообщений было и такое: «Граф Л. А. Толстой на днях выезжал в Царское Село» (№ 38. С. 4). Более информированными оказались зарубежные журналисты. Так, в среду, 11 февраля нов. ст., т. е. 29 января 1905 года парижская газета «Le Matin» поместила, со ссылкой на лондонскую газету «Daily Chronicle» от 10 февраля 1905 года подробное сообщение и о продолжительности аудиенции, и о главном предложении Л. А. Толстого царю — созвать Земский Собор (№ 7657. Р. 3).

114 ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14321. Л. 1—2 об.

Поездка в Ясную Поляну, запланированная на 3 марта 1905 года¹¹⁵, была отложена. Одной из причин была занятость и нежелание бросать Петербург в момент, когда казалось, что «<...> наступает разъяснение тысяч запутанных вопросов»¹¹⁶.

Еще до поездки в Царское Село Л. А. Толстой познакомил русского читателя с основными положениями книги известного датского общественного и государственного деятеля Н. Герцберга «Рабочий вопрос и социализм». При этом он выделил один аспект — христианское смирение и терпение. «Только одно христианство излечивает все человеческие раны и страдания как в частной жизни, так и в общественной. Решение социалистического вопроса — это применение христианской любви, не той, которая составляет только отражение ее или образ, а той, которая сама представляет собою ее пламя. Эта любовь все переносит терпеливо, все решает единственным верным способом. Одна лишь эта любовь имеет силу и возможность не смотря ни на что исполнять великую заповедь: „Люби ближнего, как самого себя“. „Эти слова,— заключает свое сочинение Герцберг,— имеют больше силы облегчать человеческие страдания, чем все теории социализма, взятые вместе, и эту силу они сохраняют навеки“.

Жизни сразу не переделаешь. Можно только терпеливо работать для ее улучшения, прощая и смиряясь, и пользуясь из нее тем, что она может тебе дать»¹¹⁷.

Весь 1905 год в сознании Л. А. Толстого прошел под знаком личного общения с российским императором. У него не было возможности да и желания проверить, насколько искренним был при встрече с ним Николай II. Он не знал, что при первом знакомстве царь «<...> оставял глубоко обаятельное впечатление. <...> Николай II во время разговора казался очень внимательным и предупредительным, но никто не мог быть уверенным, что он сдержит свое слово. <...> Николай жил в убеждении, что все его обманывают, стараются перехитрить и никто не приходит к нему с правдой. Это был трагизм его жизни. Поэтому очень трудно было у него что-то провести»¹¹⁸.

Порывистый и импульсивный, Л. А. Толстой принял за чистую монету слова Николая II о его готовности к реформам. Поэтому неудивительно, что Л. А. Толстой так живо откликнулся на Высочайший Манифест от 18 февраля 1905 года с призывом ко всем русским людям объединиться. Статью из цикла «Мысли и жизнь» он сразу же отправил Суворину и

115 Там же. Ед. хр. 14322. Л. 1 об.

116 Там же. Ед. хр. 14325. Л. 1.

117 Новое время. СПб., 1905. 21 янв. (3 февр.). № 10373. С. 3. По сообщению корреспондента газеты «Наши дни», в тот же день всем рабочим фабрики Шредера на Выборгской стороне раздавались экземпляры этого номера «Нового времени» со статьей Л. А. Толстого, «ярко отмеченной цветным карандашом. Говорят, что и на других фабриках старались просветить рабочих путем бесплатной выдачи экземпляров указанного № „Нового времени“» (Наши дни. СПб., 1905. 25 янв. № 28. С. 2; см. также: Наша жизнь. СПб., 1905. 26 янв. (8 февр.). № 71. С. 3). Позднее Л. А. Толстой убедил А. С. Суворина издать книгу датского публициста (см.: Герцберг Н. Рабочий вопрос и социализм/Пер. со шведского под ред. Л. А. Толстого. СПб., 1905).

118 Симанович А. Распутин и евреи: Воспоминания личного секретаря Григория Распутина//Святой черт. С. 93.

19 февраля 1905 года получил ответ: «Дорогой Лев Львович, я прочел Вашу статью. Она мне нравится по своей мягкости и убежденности, спокойной и твердой. Она очень велика. Попробуйте ее сократить. Я бы пометил ее сегодня»¹¹⁹.

Вероятно, Л. Л. Толстой внес необходимые изменения, и в тот же день «Новое время» напечатало его оценку Высочайшей инициативы: «Весна, весна близко. Весна в природе и в русской жизни, с солнцем, светом и теплом.

Слишком поздно, чтобы еще писать сегодня. Пишу поздно ночью только для того, чтобы помочь, как умею, разъяснению великого события, какое переживаем, чтобы рассеять недоверие, чтобы сплотить всех в песнях, в криках радости и восторга, вместо плача и печали. Мы накануне величайшего обновления, будем радоваться ему, чтобы оно действительно настало, чтобы оно явилось чистым и глубоким»¹²⁰.

Характерно, что в своем ликовании по поводу грядущих перемен Л. Л. Толстой абсолютно не заметил иронического выпада Суворина, касавшегося Высочайшего рескрипта на имя министра внутренних дел учредить Особое совещание для выбора лучших людей России с целью начать законодательные работы над реформой: «Английские газеты с насмешкой говорят о Рескрипте. „Times“, например: Если Государю угодно выслушать доверенных от народа людей, то пусть Он обратится к тюрьмам — они там сидят»¹²¹.

Но Л. Л. Толстому было не до шуток. Поистине с толстовской убежденностью в своей правоте Лев Львович бомбардировал Суворина статьями и предложениями. В одном из недатированных писем, относящихся к этому периоду, он просил издателя «Нового времени» регулярно предоставлять ему трибуну для выступлений, так много у него накопилось того, что необходимо сказать публике: «Не можете ли Вы назначить мне определенный день или два в неделю для моих статей? Если раз, то буду писать статьи приблизительно размера моих „Мысли и жизнь“. Если два, то короче. Лучше бы один раз, но определенно тогда-то»¹²².

Ответ Суворина не сохранился, но, судя по статьям Л. Л. Толстого в «Новом времени», Суворин не стал связывать себя обещаниями и приравнивать Л. Л. Толстого к постоянным авторам газеты, например Меншикову или Розанову. Тем не менее с полным правом можно сказать о том, что в начале 1905 года Л. Л. Толстой стал одной из заметных фигур в отечественной публицистике. Произошло это прежде всего потому, что он открыто полемизировал с той точкой зрения на развитие событий, которую неоднократно высказывал его отец.

В Ясной Поляне с нарастающей тревогой следили за выступлениями Л. Л. Толстого в прессе, особенно по вопросу русско-японской войны. Он был искренне уверен в том, что ее необходимо продолжать, несмотря на колоссальные потери. В недатированном письме Суворину он восклицал: «Что они хотят делать с нами? Неужели мир? Позор, позор! И ведь это для того, чтобы через 10—20 лет повторить то же самое. Впрочем! Пусть! Русский Бог какой-то особенный»¹²³.

119 РНБ. Ф. 115. Ед. хр. 66. Л. 22.

120 Новое время. СПб., 1905. 19 февр. (4 марта). № 10402. С. 4.

121 РНБ. Ф. 115. Ед. хр. 66. Л. 22.

122 РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4247. Л. 29.

123 Там же. Л. 23.

3 марта 1905 года очередную статью из цикла «Мысли и жизнь» Л. А. Толстой начал с ошеломляющего утверждения: «Сохрани нас Боже от заключения мира.

«...» Храбро и до конца используем наши силы, а там видно будет, что из этого выйдет. Пока же эти силы не использованы, кто, кроме трусов или совсем немощных, бросает оружие и опускает руки? Разве это неправда? Скажут, что нам здесь легко говорить такие вещи и посылать на Восток „душечное мясо“. Народ сам мудрее этого смотрит на войну. Он говорит: „Что ж, на войну, так на войну. Умирать, так умирать. Смерть одна. Одному коротко жить, другому подольше. Небольшая в этих сроках разница. Кому какой круг на роду написан“. Смотрю на это дело и на жизнь так же и я и потому смею писать, что пишу»¹²⁴.

10 марта 1905 года Л. А. Толстой продолжил свою мысль: ««...» Россия настолько сильна, что она вновь двинется к океану и вновь прогонит с его берегов ослабленного войной с ней врага. Так будет дело в два, пять, десять, двадцать лет. Надо ясно сознать это и ясно, открыто сказать это всему народу»¹²⁵.

Одержимый своими идеями, Л. А. Толстой не мог не сознавать, что после этих статей ему будет очень трудно рассчитывать на понимание со стороны обитателей Ясной Поляны. Тем не менее он попытался начать диалог, и очередное письмо родителям, отправленное с оказией, не случайно было адресовано Л. Н. Толстому.

«Дорогой папа, я не еду к вам не потому, что не люблю тебя и не хочу тебя видеть. Я бы страшно хотел повидаться с тобой¹²⁶, хотя ты, м. б., не очень хочешь этого, да и мои разные с тобой взгляды на вещи, разницу, особенно резко определившуюся теперь; но я не считаю себя вправе уехать, когда каждый день ко мне многие обращаются и лично, и письменно. Надо многое разъяснить, на многое отвечать, многое начинать. Теперь вопрос о народной газете сильно занимает меня»¹²⁷.

124 Новое время. СПб., 1905. 3(16) марта. № 10414. С.— 3. Л. А. Толстой получил много откликов на эту статью, причем были письма и в поддержку его позиции (см.: ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 847. Л. 12, 16—18, 30—31 об.). Сохранились в архиве Л. А. Толстого и резко критические оценки его выступлений, предложения самому отправиться на войну, а не призывать к этому других (см.: там же. Ед. хр. 823. Л. 1—3; ед. хр. 837. Л. 1—2).

125 Новое время. СПб., 1905. 10(23) марта. № 10421. С. 3.

126 Возможно, Л. А. Толстой вспомнил строки из письма С. А. Толстой к нему от 7 января 1905 года — в ответ на несохранившееся письмо Л. А. Толстого из Петербурга: «Ты спрашиваешь, хотим ли мы тебя видеть? Вот вопрос! Я как раз на днях о тебе думала и так соскучилась по тебе. А папа сегодня, прочитав твое письмо, даже на стуле как-то подпрыгнул и сказал: „А я все хочу ему написать, непременно напишу и очень рад бы был его видеть“» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 684. Л. 1—1 об.).

127 25 февраля 1905 года Л. А. Толстой разослал «Письмо в газету» с предложением от «кружка лиц, горячо заинтересованных положением русских рабочих, их жаждой улучшить свою жизнь и выйти <...> на прочный и ясный путь спокойного культурного развития. Кружок <...> находит, что в настоящее время издание хорошей, честной, проникнутой христианскими, а не революционными и другими идеалами общедоступной газеты для рабочего класса, как городского, так и сельского, было бы только желательным, но составляет насущную потребность» (Новое время. СПб., 1905. 26 февраля (11 марта), № 10409. С. 4). Хотя Л. А. Толстой получил немало, по его словам, сочувственных откликов, некоторые сохранились в его архиве (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 825. Л. 1; ед. хр. 847. Л. 19), но собранных денег оказалось недостаточно, и издание не состоялось.

Хотя я и разных с тобой взглядов как будто, я чувствую, что мы в корне очень похожи и что, если бы ты был теперь на моем месте и не был бы тем, кто ты теперь, ты стал бы так же, как я, бороться со всей этой пуганницей современной, либеральной тупостью, революционным злом и т. п., стоя на точке зрения честности, разума и добра. Я не могу стать на точку зрения христианства потому, что чувствую, что я для этого слишком слаб.

Целую тебя и остальных.
Твой Лева.

11 марта 05 г.»¹²⁸.

Но диалог с Л. Н. Толстым после серии откровенных призывов к продолжению войны, естественно, не мог состояться. Даже С. А. Толстая, очень любившая Льва Львовича и многое ему прощавшая, не выдержала и 18 марта 1905 года отправила Черткову для публикации письмо с изложением своей точки зрения на русско-японскую войну. Имя Л. Л. Толстого не называлось, но пафос письма не давал оснований для разночтений¹²⁹. 20 марта 1905 года в письме к сестре, Т. А. Кузминской, Софья Андреевна делилась переживаниями последнего времени: «Очень меня огорчают статьи Левы по поводу войны. Разве можно желать ее продолжения и писать нелепые слова: „Сохрани нас Бог от мира“. Ведь это грех большой на душу братья. А я послала за границу письмо с воззванием к миру и с сильным, негодующим протестом против войны»¹³⁰.

23 марта 1905 года С. А. Толстая отправила сыну большое письмо, надеясь воздействовать на его разум: «Милый Лева, сейчас прочла твою статью в Новом Времени, и мне стало даже смешно, так она противоположна тому письму, которое я на днях послала Черткову напечатать, написанное, главное, по поводу твоей статьи, начинающейся словами: „Сохрани нас Бог от мира“. Мне и папа, разумеется, очень грустно, что наш сын до такой степени противоположен в своих воззрениях на войну, как ты. Но, кроме того, что это грустно, до меня со всех сторон доходят слухи, что это мать внушила Льву Львовичу подобные взгляды, и мать, не согласная с Львом Николаевичем, — проповедует войну. Так как это несправедливо, то я хотела восстановить истину и опубликовать на весь мир свой взгляд на войну.

¹²⁸ ГМТ. Архив Л. Н. Толстого. П. 108/12. Ед. хр. 74. Л. 1—1 об.).

¹²⁹ С. А. Толстая писала: «<...> я просто не могу понять людей, дерзающих продолжать проповедь войны!

Неужели не хватает у людей самой простой, непосредственной любви к человечеству, понимания добра, — да просто воображения, чтоб переживать с невинными жертвами войны и оставленными ими семьями те отчаянные муки, от которых теперь стонет вся Россия?

Некоторые воображают, что народ якобы мудро и спокойно смотрит на войну и смерть. Это несправедливо. Я живу в деревне, я сама провожала сына на войну, я видела эти проводы и пережила их с болью сердца, но нигде ничего другого не видала, как плач, горе и отрицание того дела, на которое посылали людей, за редкими исключениями интеллигентной молодежи, но не народа.

Мир не может быть позором, как этого многие боятся. Проигранная война — не позор, а несчастье. <...>

И если цари и генералы боятся позора мира и прекращения войны, то пусть матери всех положений восстанут против тех побоищ, которые так истерзали сердца нас, — матерей!» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 684. Л. 9 об.—11).

¹³⁰ ГМТ. Архив С. А. Толстой.

Ты пишешь, что матери желают мира, а не желают продолжения войны и того, чтоб калечили их детей. Это все равно, что если бы ты написал, что матери желают кормить грудью, когда кричат их младенцы, а не желают морить их голодом. Ты восстаешь против естественного материнского чувства. Если бы, как в <18>12-м году, враг пришел в Россию, в Москву, то поневоле проснулся бы патриотизм. В <18>12-м году бабы воевали с вилами в руках. Тогда мотивом войны была самозащита, и это законно. А теперь? спроси народ — все в недоумении, зачем воюют, для чего столько жертв? И какие бы разговоры на конках ты ни описывал, мы ближе к народу и лучше знаем его отношение к войне. <...>

<...> Ты не бойся, мы спорить не будем, наши отношения с тобой на другой почве, а взгляды политические, религиозные и нравственные уже не на почве отношений матери и сына»¹³¹.

Но одних родственных отношений оказалось недостаточно. Во всяком случае, когда Л. Л. Толстой в апреле 1905 года ненадолго вырвался из Петербурга, он вынужден был признать, что в Ясной Поляне он только теряет время¹³². Разговор с отцом не клеился. Слишком разными были у двух Львов Толстых собственные впечатления от минувших событий; следовательно, разным было их видение выхода из того критического положения, в котором оказалась Россия¹³³.

Позднее, 15 мая 1905 года Л. Л. Толстой признался матери: «Папа я люблю очень, когда не думаю, что он меня не любит. Но когда вижу и чувствую, что я ему не нужен, и он мне становится чужд»¹³⁴. И может быть, публицистическая деятельность Л. Л. Толстого в 1904—1905 годах в какой-то степени была формой протеста против явного отчуждения отца, своеобразным способом привлечь, хотя бы через столичную прессу, внимание яснополянского гения к своим взглядам на развитие событий.

Не случайно, когда Л. Л. Толстой в июне 1905 года оказался в Ясной Поляне, он задал отцу вопрос, на который не было ответа: «Почему же ты не терпишь мою точку зрения, почему же ты мне не позволяешь свободно выразить ее?»¹³⁵. Так получилось, что в 1905 году притяжение—отталкивание отца и сына стали обычным явлением, с той лишь разницей, что эти непростые отношения развивались теперь на глазах читателей не только России, но и всего мира.

131 ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 684. Л. 12—13 об.

132 Л. Л. Толстой находился в Ясной Поляне 9—12 апреля 1905 года (см.: *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 1. С. 240—243).

133 В день отъезда Л. Л. Толстого из Ясной Поляны, 12 апреля 1905 года Маковицкий записал в дневнике: «Сегодня Лев Львович уехал в Петербург, удрученный. В Петербурге политические события ему кажутся особенно важными; здесь видел, что им той важности не приписывают; что в деревне дворяне, крестьяне живут другими и более важными заботами; тут не нашел, кто бы с его взглядами согласился» (там же. С. 243.).

134 ГМГ. Архив С. А. Толстой.

135 Л. Л. Толстой приехал в Ясную Поляну 21 июня 1905 года и пробыл там до 12 июля 1905 года (см.: *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 1. С. 320—343, 519). В день ссоры, 22 июня 1905 года, Маковицкий записал в дневнике: «<...> на прогулке Лев Львович мне сказал, что отец сердится на него, что он никогда не приезжал бы в Ясную, если бы здесь не было матери и Ясной Поляны» (там же. С. 321).

На каком-то этапе отстаивание своих взглядов превратилось у Л. Л. Толстого в самоцель. И в частной переписке с родными и близкими анализ общественно-политической ситуации занимает большое место. Примером тому может послужить письмо Л. Л. Толстого к сестре, Т. Л. Сухотиной из Швеции, куда он на лето повез семью¹³⁶, от 9 июня (ст. ст.) 1905 года: «<...> война, конечно, и здесь главный интерес.

Что-то будет в России? Какое горячее и, в сущности, хорошее время, кабы не столько горя. Но без этого горя мы вряд ли проснулись.

<...> Бедные все наши знакомые и родственные моряки. Я писал Государю, незадолго до Алексеева¹³⁷, о том, что невозможно давать им в руки судьбы России¹³⁸. Слава Богу, представительство не за горами. Будет лучше, но нужно еще много борьбы, чтобы власть распределилась среди людей, ее достойных. Ужасен вид пустынного Кронштадта, через который теперь кому угодно путь открыт на Таврическую¹³⁹. Только, презирая нас, никто, к сожалению, и отсюда нас не поучит. Все-таки японцев мы победим в конце концов, через 10—50 лет, все равно»¹⁴⁰.

Узнав о начале переговоров в Портсмуте¹⁴¹, Л. Л. Толстой 20 августа (ст. ст.) 1905 года часть письма к С. А. Толстой посвятил крестинам сына Петра¹⁴², а затем сосредоточил все внимание на текущем моменте: «Поздравляю с миром. Я его не желал, но ему рад. <...>

¹³⁶ Л. Л. Толстой выехал из Петербурга 25 мая 1905 года (см.: ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14329. Л. 1 об.).

¹³⁷ После Цусимского сражения и разгрома русского флота в мае 1905 года был упразднен Особый комитет Дальнего Востока, и адмирал Алексеев 8 июня 1905 года был уволен от должности наместника. По приезде в Петербург он был «за особые заслуги», вероятно в уничтожении русской эскадры в русско-японской войне, награжден орденом Святого Георгия (см.: *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 389).

¹³⁸ Письмо это неизвестно.

¹³⁹ Л. Л. Толстой имеет в виду, что в феврале 1905 года из Балтики на Дальний Восток была отправлена 3-я Тихоокеанская эскадра, в составе которой находились 4 броненосца и крейсер. В Цусимском сражении корабли были уничтожены как боевая сила.

¹⁴⁰ ГМТ. Архив Т. Л. Сухотиной-Толстой.

¹⁴¹ После гибели Балтийской эскадры в волнах Корейского пролива президент США Теодор Рузвельт (Roosevelt; 1858—1919) 28 мая 1905 года обратился с нотой к воюющим сторонам с предложением посредничества для мирных переговоров, которые начались в американском городе Портсмуте 27 июля (9 августа) 1905 года и завершились 23 августа (5 сентября) 1905 года подписанием мирного договора.

¹⁴² Петр Львович Толстой (1905—1970). В день его рождения, 8/21 августа 1905 года Л. Л. Толстой писал матери: «Пережил счастливые минуты, которые, жаль, коротки. Следовало бы вечно радоваться жизни, а мы вечно горюем в большинстве случаев. Трудно радоваться в тех безобразных условиях людской жизни, которые нас постоянно окружают. А как их переменить? Какая громадная, бесконечная работа человечеству, которую оно как будто и не начинало.

А начать одному? Ломать? Даже такие сильные люди, как Ваш супруг и мой отец, на это не решаются. Это ошибка их, слабость, конечно. Но она доказывает, как все мы слабы и как далеки от счастья» (ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14335. Л. 1—2).

Еще о мире. Боюсь, что он ненадолго. Боюсь, что он разучит нас снова видеть всю нашу гадость. Но сама война — такое зло, что, конечно, за окончание ее можно отдать многое, но не главное — начало новой жизни для России, в которое я верю все равно, будет ли мир или война»¹⁴³.

Между тем действительно события приобретали необратимый характер. 16 октября 1905 года Л. Л. Толстой из Петербурга,¹⁴⁴ отправил в Ясную Поляну отчет о возникшей ситуации: «Милая мама, пишу Вам в разгар нашей „революции“, как многие называют переживаемое время. „Революция“ ли? Не думаю. Просто остановка, обрыв жизни вследствие прекращения войны, что я считаю большой политической ошибкой. Вы на это возмутитесь, но вдумайтесь глубже, представьте себе: продолжение войны и наконец наша победа. Тогда ничего подобного бы не было. Был бы подъем жизни вместо падения ее. У нас все стоит. Ни газет, ни электричества, ни поездов, ни конок, ни торговли, ни молока детям, ни писем ниоткуда. На улицах мрак, ходят толпы оборванцев, много пьяных, развезают войска, тоже неряшливого, распущенного вида.

Сегодня воскресенье и теперь вечером жутко выйти на улицу. Ходят казаки по нашему тротуару, проходят пьяные, грубые шутки и распущенность всеобщая. Чем все это кончится, трудно сказать. Я надеюсь, что на этих днях все восстановится. От Вас мы отрезаны, и Бог знает, что у Вас. Если бы наша современная жизнь была устроена иначе, если бы не было ни войска, ни собственности, ни городов, ни правительства, — конечно, тогда зачем же война. Но когда наша жизнь — борьба, а ее прекращают, как с этой войной, тогда начинается и разгорается борьба в другом мире, — внутренняя война. Она была и началась у нас и во время войны, и до нее, но теперь, конечно, примет гораздо более грозные формы потому, что раньше во время войны боролась государственная единица с другой такой же. Теперь, когда наша государственная единица признала свою слабость, началась борьба внутри ее для ее усиления и перестройки. Это бы пришло само собой и сделалось бы легче, естественнее и скорее с продолжением войны, чем теперь, когда война прекращена. И, кто знает, м. б., наша государственная машина не обнаружила бы столько слабости, если бы в нее верили и продолжали войну дальше. Я уверен в этом.

Все это очень тяжело. Живут все, как угорелые, бегут, сами не знают, куда, и все кончается обжорством, или пьянством, или чем-ниб. в этом роде. Митинги и речи на них — тоже пьянство, не говоря уже о дурацких разговорах в салонах. Надо ждать терпеливо, что будет. <...> Все в угаре от солнечных пятен, вероятно. Когда-то Бог поможет их загасить»¹⁴⁵.

А 21 октября 1905 года Л. Л. Толстой признался: «Столько пережили за это время, что все рассказать невозможно до Вашего приезда»¹⁴⁶. Однако С. А. Толстая не рискнула поехать в Петербург, и 25 октября 1905 года Л. Л. Толстой поспешил ее утешить: «У нас жизнь успокаивается. Все берется за запущенные дела. В правительств. сферах кипит работа. Очень надеюсь, что дело не дойдет до настоящей резни и революции. <...> Видаю многих и последнее время все в каком-то шальном возбуждении»¹⁴⁷.

143 Там же. Ед. хр. 14334. Л. 1—2.

144 Л. Л. Толстой вернулся из Швеции в Петербург 27 августа 1905 года (см.: там же. Ед. хр. 14336. Л. 1).

145 Там же. Ед. хр. 14345. Л. 1—2 об.

146 Там же. Ед. хр. 14346. Л. 1 об.

147 Там же. Ед. хр. 14347. Л. 1 об.

Он и сам был в таком же состоянии. Начались выборы представителей в Государственную Думу, и в переписке с С. А. Толстой сын всерьез обсуждал вопрос, выдвигать ли ему свою кандидатуру, и если выдвигать, то где: в Петербурге или в Крапивенском уезде Тульской губернии¹⁴⁸.

Как и многие проекты Л. Л. Толстого, и этот кончился безрезультатно. 8 ноября 1905 года, поздравляя сестру Татьяну с рождением дочери¹⁴⁹, Л. Л. Толстой размышлял: «Настроение трудное. Стою от всего в стороне. Стал на более отвлеченную и единственно правильную точку зрения, чтобы найти успокоение. Теперь ничего невозможно. Склад¹⁵⁰ идет плохо. Никто ничего не читает, кроме газет. Вообще же — хорошо. Хорошо то, что становишься умнее и старше. Хорошо, что Россия просыпается, что люди почувствовали, одни — свою вину, другие — свои права. <...> Кто возьмет, однако, неизвестно: Витге¹⁵¹ или Горький¹⁵² с Минским¹⁵³ и рабочими. Борьба серьезная.

Хуже всего, что гвардия заражена революцией и развращена до мозга костей. А на гвардии теперь держится здесь всё. Страшно подумать, что мы живы Сашкой Берсом¹⁵⁴, то есть чем-то совершенно внешним, словами команды и офиц. мундиром, на ком бы он ни был. Но даже это ослабело.

148 Там же. См. также письмо С. А. Толстой к сыну от 8 октября 1905 года (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 684. Л. 28—28 об.).

149 Альбертини Татьяна Михайловна (урожд. Сухотина) родилась 6 ноября 1905 года.

150 Имеется в виду книжный магазин и склад «Доброе дело» Л. Л. Толстого.

151 В конце октября 1905 года в Кронштадте произошло восстание отдельных частей солдат и матросов на почве неудовлетворения их материальных нужд. Правительство подавило восстание и предало зачинщиков военно-полевому суду. 2 ноября 1905 года началась всеобщая забастовка в Петербурге с целью не допустить расстрела моряков. 3 ноября 1905 года Витге послал рабочим телеграмму с просьбой начать работу. «Дайте время — все возможное будет для вас сделано. Послушайте совета человека, расположенного и желающего вам добра». Рабочие предприятий, еще не начавших забастовку, ответили: «Прочитали и — забастовали» (см.: Первая русская революция 1905 г.: Хрестоматия/Сост. С. П. Белоусов. 2-е изд., перераб. и испр. М.; Л.: ГИЗ, 1926. С. 109—112).

152 Еще в феврале в Петербурге упорно циркулировал слух о том, что «на случай смены правительства был составлен список новых министров: Горький — просвещения» (*Маковицкий Д. П. У Толстого. Кн. 1. С. 178*).

153 Минский Николай Максимович (наст. фам. Виленкин; 1855—1937), поэт, переводчик, критик, официальный редактор-издатель газеты «Новая жизнь». К его помощи большевики вынужденно обратились потому, что у него было разрешение на издание газеты. В начале ноября 1905 года, после приезда Ленина, он был практически отстранен от участия в газете.

154 Берс Александр Александрович (1883—1907), кузен Л. Л. Толстого, поручик Преображенского полка, друг детей Л. Н. Толстого.

Дисциплина пала во всем заметно. Царь прячется и надеется, конечно, только на гвардию, среди которой перестали работать революционеры. Я сам вижу часто группы студентов и других людей по ночам, стоящих подле дерущихся солдат, окружающих Таврический сад, полков, очевидно, возбуждающих их к революции. Если правительство не окрепнет и если снова не будут сделаны массовые аресты и высылки¹⁵⁵, то мы доживем до плохого. А сделать этого как будто не хотят и невозможно. Дума сама может послужить, при теперешней анархии, поводом к наступающему перевороту. Все-таки надеюсь на успокоение, хотя не вижу еще возможности его. Только реакция может дать его и потому, ужасно сказать, — можно желать теперь именно одной только реакции, конечно, не в смысле возвращения к старому, а в смысле очистки России от революционных элементов или, по крайней мере, победы над ними. Но кто решится на это? Никто. И потому впереди новая резня и новые ужасы. Революция хочет республики и будет ее всячески добиваться. Уже дорожку проторили туда и, чтобы она заглохла, нужно немало времени, если это возможно.

Народ ничего этого не желает, а желает земли и школы. Народ поэтому революцию ведет с одной стороны, а революционеры — с другой, противоположной. Обе эти стороны друг друга ослабляют, но обе ослабляют в то же время Россию. Надо одно дать народу, а другое сделать с революционерами. Трудно предсказать, чем всё это кончится. Положение полно трагизма, несомненно. Трагично то, что нет мирного выхода, что этот выход найти не в силах одному человеку, а что он будет дан самой жизнью, совокупностью множества усилий и жизней людских. Надо утешаться мыслью, что народ русский хранит в себе довольно духовных сил и добра, христианских заветов, чтобы не довести дела до пугачевщины, что это уже отжило. Теперь только жгут города и усадьбы, но уже не режут господ. Дай Бог, чтобы этим ограничилось.

Прощай, милый друг. Прости, что длинно написал»¹⁵⁶.

И в письме Л. А. Толстого к отцу от 28 ноября 1905 года доминирует ощущение трагической безысходности исторического момента.

«Милый и дорогой папа,

Пишу тебе, чтобы поговорить с тобой и отвести душу. Что у нас делается? Ты не можешь себе представить, до какой степени сильно, стихийно и непоборимо то движение, что захватило теперь Россию. Впрочем, ты можешь себе представить его, но ты его не видишь так близко и ярко, как делаю это я, живя здесь. На улицах и в писчебумажных магазинах, по случаю свободы печати¹⁵⁷, продаются открыто порнографические картины и силуэты, которые раскупают гимназисты в свободные от „революционной деятельности“ часы. В театрах представляются народные грубые, безобразные

155 Разгул реакции начался позднее, после подавления вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 года (см.: Летопись жизни и творчества А. М. Горького: В 4 вып. М., 1958. Вып. 1. С. 573).

156 ГМТ. Архив Т. А. Сухотиной-Толстой.

157 18 февраля в Манифесте подчеркивалось особо: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности; свободы совести, слова, собраний и союзов <...>».

бунты, глядя на которые, хочется бежать. («Дети Солнца»¹⁵⁸, «Евреи»¹⁵⁹, «Дачники»¹⁶⁰ и т. д.)

Учебные заведения закрыты или в них собираются митинги и переписываются десятилетними девочками русские „Марсельезы“ со словами:

„Вставай, поднимайся, рабочий народ,
Бей их, злодеев проклятых“ и т. д.¹⁶¹

В городских аудиториях собрания и митинги союзов и обществ, на которых требуется демокр. республика.

Сейчас идут страшные интересные собрания рабочих-железнодорожников и переплетчиков в Соляном городке, на которые я зашел. В буржуазных домах — страх и пустые разговоры, но карты по-прежнему. В войсках брожение и глупое недовольство. Наверху философское и беспомощное бездействие, сравнительно с быстрой движением жизни. Трудно жить. Бога нигде не видно, не только Бога, но даже попыток искать и найти Его.

Какое-то повальное озверение и распущенность. Ничто не свято — ни семья, ни нравственность, ни честь, ни труд, ни даже разум. Трудно не только жить по-настоящему, но выжить и не делать глупостей и гадостей. Сейчас, глядя на толпы в несколько тысяч рабочих и пропуская мимо себя бесконечный поток входивших в Соляной городок грубых, возбужденных, сильных рабочих людей, слушая властные их голоса: „Билеты, товарищи! Товарищи, за дело!“ — я понял, какая это стихийная сила, с которой никому не справиться. Это тот самый демос, который и создает республику, несмотря на то, что народ, крестьяне ее, м. б., и не желают. Что можно говорить им? Они ничего не послушают. Им только одно нужно, — это получить их право считаться и быть людьми. И они добьются этого. Добьются несомненно, как добились теперешнего права собираться на свои собрания. Все бы это было прекрасно, если бы не принцип насилия, доведший уже их до открытого провозглашения и воззвания к всеобщему вооруженному восстанию, до того, что здесь нет рабочего теперь, у которого бы не было оружия, ножа или револьвера. Как ты относишься ко всему этому и что ты пишешь и думаешь? Хотелось бы повидать вас, но как уехать теперь от семьи?

Может быть, ты напишешь мне два слова в утешение и в совет¹⁶². Чувствую себя совершенно беспомощным перед надвигающейся грозой.

158 Премьера пьесы Горького состоялась на сцене Драматического театра В. Ф. Комиссаржевской 12 октября 1905 года (см.: Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 1. С. 554).

159 Пьеса Евгения Николаевича Чирикова (1864—1932) была поставлена в «Новом театре» в Петербурге 23 ноября 1905 года (см.: Театр и искусство. СПб., 1905, № 48. С. 740. Подробный анализ драмы см.: там же. 1906, № 3. С. 43—45).

160 Премьера пьесы состоялась на сцене Драматического театра В. Ф. Комиссаржевской 10 ноября 1904 года. Подробный анализ драмы дан в статье М. Неведомского «„Дачники“ Максима Горького» (см.: Наша жизнь. СПб., 1904. 12, 14, 20 ноября. №№ 7, 9, 15. С. 3).

161 В течение ноября 1905 года в учебных заведениях Петербурга неоднократно проходили митинги и собрания (см.: Наша жизнь. СПб., 1905. 10 ноября. № 9. С. 5).

162 Письмо А. Л. Толстого было получено в Ясной Поляне только 27 декабря 1905 года. В тот же день Л. Н. Толстой откликнулся на просьбу сына обстоятельным изложением своего понимания событий и первостепенной необходимости для человека «установить в себе религиозное отношение к жизни и на основании его относиться ко всем явлениям жизни. Необходимость этого особенно чувствуется в такое время, как наше» (ПСС. Т. 76. С. 70—71).

Иногда кажется, что она минует. Но этому не бывать, как не бывать уже многому старому. И то старое, что еще держится, не отпадет без крови и страданий. Целую вас. Благодарю Таню и маму за письма, кот. только что получили сегодня¹⁶³. Благодарю также Ханса¹⁶⁴ за ответ. Дора и дети здоровы.

Твой Лев»¹⁶⁵.

Пока Л. Л. Толстой напряженно ждал ответа из Ясной Поляны, он в начале декабря 1905 года вновь обратился с посланием к Николаю II. Оно не сохранилось, но некоторое представление о нем дает письмо Л. Л. Толстого к Суворину от 10 декабря 1905 года:

«Дорогой Алексей Сергеевич, во-1-х, насчет статьи „Материализм и законопорядок“. Прошу ее прочесть и напечатать¹⁶⁶; если нет, верните, пожалуйста. Напечатаю в „Слове“¹⁶⁷. Надо показать и указать глупому русскому человечеству, что же, наконец, нужно нам, на что можно и должно стать, упереться, с чего можно двинуться дальше. Я на днях возил лично письмо царю в Царское; в письме говорю о том же и что нельзя давать свободу революции, пока нет законопорядка и сильной власти. Я настаивал на том, что *безнравственно* быть слишком добрым, когда это в ущерб общему благу. Впрочем, это между прочим»¹⁶⁸.

Еще более определенно Л. Л. Толстой высказался 11 декабря 1905 года в письме к С. А. Толстой.

«Дорогая мамаша, пишу Вам в свободный воскресный час. Давно от Вас нет писем, о каждом из вас хочется знать и скучно. У нас все хорошо. Я стал принимать участие в разных собраниях и это интересно. Состою членом партий 17-го октября и правового порядка и езжу на заседания¹⁶⁹. Много слова, мало дела, хотя кое-что и делается. Главный интерес, конечно, — подготовка Государств. Думы, знакомство с могущими попасть в нее

163 Т. Л. Сухотина 15 ноября 1905 года начала свое письмо к брату так: «Милый Лева, спасибо за твое письмо, которое мне было приятно и интересно и с которым я к своему удовольствию могу почти всецело согласиться. Несмотря на такое для меня новое, неожиданное и радостное состояние материнства, я не могу постоянно не думать о том, что делается и не стараться вырабатывать своего отношения к этому. Конечно, другого не может быть, как при пожаре: стараться заливать, тушить, спасать, — а не грабить, поджигать и толкать народ в пламя» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 696. Л. 45—45 об.). В тот же день Л. Л. Толстой получил и письмо С. А. Толстой от 18 ноября 1905 года (см. почтовый штампель на конверте: «27. XI. 1905» (там же. Ед. хр. 684. Л. 31—33 об.).

164 Ханс — садовник в Ясной Поляне. Ответ его неизвестен.

165 ГМТ. Архив Л. Н. Толстого. П. 108/12. Ед. хр. 75. Л. 1—3.

166 Статья не была напечатана в «Новом времени». В архиве Л. Л. Толстого черновой автограф не сохранился.

167 «Слово» — ежедневная газета, выходившая без предварительной цензуры в Петербурге. Статья Л. Л. Толстого и там не была напечатана в декабре 1905 года.

168 РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4247. Л. 13.

169 В архиве Л. Л. Толстого сохранились документы «Союза 17-го октября», «Партии правового порядка» и «Прогрессивной экономической партии», членом которых Л. Л. Толстой был с 1905 года (см.: ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 908. Л. 27, 31—32, 78—80 об.).

членами, подготовка программы ее деятельности. Я лично, конечно, имею мало шансов попасть в нее, хотя в выборники, м. б., и попаду, не стремясь особенно к этому. На заседаниях иногда говорю и особенно, когда дело касается близко и давно интересующих меня вопросов. Намечено для Думы много. Что она сделает, увидим.

Последние события Москвы, да и другие, по всей России, кажется, окончательно повернули правительство на путь репрессий¹⁷⁰. Да и пора. Нельзя давать свободу безумию и пороку. В этом смысле недавно тоже высказывался, где следует. Всему есть предел. Бедного Юрия Шидловского¹⁷¹ разгромили до гла, все вещи изрубили в его комфортабельном богатом доме, а все остальное увезли и угнали. Когда он просил казаков, ему их не дали. Вообще творится что-то стихийное и, кто знает, к чему оно нас ведет. Продолжаю надеяться на ту же стихию, стихию зимы, природы, которая одна может на время хоть потушить пожар. А там и Дума соберется и непременно успокоит или усмирит.

Много, столько интересного слышишь и видишь, что, конечно, нельзя выносить теперь, а приходится только жить, слышать и видеть. <...> Вообще много, очень много готовится везде, и я крепко верю, что мы накануне нашего расцвета»¹⁷².

А. Л. Толстому очень хотелось верить в то, что расцвет России начнется и благодаря его личному участию в событиях, т. е. благодаря его статьям, выступлениям на партийных собраниях и, конечно, благодаря его обращениям к Николаю II с конкретными предложениями по улучшению российской государственности. В частности, 13 декабря 1905 года А. Л. Толстой — вероятно, в догонку к несохранившемуся посланию царю — отправил в Царское Село еще несколько очень важных для него и, как ему казалось, для судьбы России слов о роли Витте в разжигании революционной ситуации¹⁷³.

Лишь иногда он позволял себе остановиться и оглянуться назад, как правило, под влиянием только что полученного письма А. Н. Толстого. Так было и 31 декабря 1905 года, когда А. Л. Толстой начал свой разговор на расстоянии с отцом.

«Милый и дорогой папа, получил только что твое прекрасное письмо¹⁷⁴, за которое большое спасибо. Конечно, все это — чистая правда, но (неизбежное но), сознать-то эту правду до конца, так, чтобы она стала твоей

170 2 декабря 1905 года были арестованы номера газет «Свободное слово» и «Русская газета». Через день, 4 декабря 1905 года Совет министров приостановил деятельность газет «Сын Отечества», «Новая жизнь», «Наша жизнь», «Свободный народ», «Начало» и «Русь» в связи с опубликованием ими «Манифеста Совета рабочих депутатов». О многочисленных арестах в разных слоях русского общества см. письмо Горького Е. П. Пешковой от 24 октября 1905 года (Переписка М. Горького. Т. 1. С. 290—292). В приказе от петербургской полиции от 30 ноября 1905 года был приведен громадный список лиц, подлежащих высылке из Петербурга на трехлетний срок. Всего подлежало высылке более 300 человек (см.: Жизнь: Ежеднев. полит., общ. и лит. газета. М., 1905. 3 декабря. № 7. С. 1).

171 Шидловский Юрий Вячеславович (ум. 1933) — двоюродный брат С. А. Толстой.

172 ГМТ. Архив С. А. Толстой.

173 См. Приложение.

174 Письмо А. Н. Толстого от 27 декабря 1905 года (см.: примеч. 163).

кровью и плотью, так трудно в условиях нашей жизни. Я, например, чувствую теперь, чуть не каждый день то, что ты пишешь, чувствую, что вся эта общественная деятельность мелка и сомнительна, что она даже вредна иногда, хотел бы все это бросить, но думаешь при этом, что ведь, если я ее брошу, другие, может быть, хуже и глупее меня, все-таки будут ее вести и, может быть, наделают еще худшего вреда. Надо тогда совершенно уверенно сознать, что мое неучастие в общественной деятельности, во всяком случае, будет ценнее и дороже участия, даже если я не сделаю того, что мог бы, и оставлю делать другим, что они хотят. Это очень трудно, но я думаю, что к этому я все-таки иду. Вместе с тем, каждый день требует той самой деятельности, какая тяготит и в которой сомневаешься и редко выносишь удовлетворение. Мой личный взгляд на мою общественную деятельность в настоящую минуту такой, что я уже не могу больше ничего сделать особенно нужного и важного. Что многое уже вполне выяснилось и теперь само собой пойдет. Я не хочу этим сказать, что я все это выяснил, но что вообще выяснилось у русского общества, хотя слабо, и у правительства. Потом я лучшего мнения о людях, чем ты. Я думаю все-таки, что многие занимаются общественной деятельностью, искренно желая послужить людям, а не только для того, чтобы продолжать делать свои „глупости и гадости“¹⁷⁵. Они, м. б., заблуждаются и ничего не могут сделать хорошего, оставаясь в условиях несправедливой жизни, но они все-таки искренно желают служить благу и иногда этого достигают. Я согласен, что человечество скорее бы пришло к счастью, если бы каждый человек отдельно стал бы прежде всего думать об улучшении своей личности. Я сам это думаю и говорю. Но есть условия, общие всем людям, которые тоже надо изменить для того, чтобы легче стало улучшаться каждому отдельному человеку. Их и хотят улучшить. Это может идти, я думаю, рядом с улучшением личности, самовоспитанием и самоусовершенствованием: грамотность, поднятие материального благосостояния народа, равноправие и т. д. Все это важно потому, что без всего этого, что люди называют культурой, человечество не развивается. Нельзя же забывать всей этой внешней стороны жизни. Мы ведь ею живы настолько же, насколько живы духовной стороной. Без светлой, просторной избы и куска хлеба не жива крестьянская семья. Без грамоты мужик не прочтет твоих писаний и т. д. Все это не делается само собой, а делается долгим трудом людей, черным и мелким, думами и парламентами. И я не думаю, чтобы этот черный труд всегда понижал нравственность людей. Он часто ее поднимает, если он сознателен. Я убежден в том, что современные члены германского рейхстага, напр., не чуть не безнравственнее каких-нибудь средневековых немецких князей, а наоборот. Так что духовная работа над собой у человека пусть будет сама собой и прежде всего, а рядом пусть будет работа черная, общественная, внешняя, на пользу других. Обе эти работы только могут и должны пополнять и усиливать друг друга. В этом идеал. И как ни ничтожна, например, теперешняя подготовка Думы в России, — работа эта очень важная и есть основа для многого хорошего в будущем. Я близко стою к ней и вижу, что люди искренно хотят поработать для страны, т. е. для других. Вот что я хотел сказать. <...>

Для того, чтобы нагреть всю воду в котле, нужно, чтобы каждая ее капля нагревалась. Но ты ничего не говоришь ни об огне, нагревающем

175 Л. Н. Толстой писал: «<...> всякий <...> продолжает говорить и делать свои глупости и гадости, не понимая того, что вся эта общественная деятельность не только никогда не содействует улучшению состояния людей, но самым решительным и верным способом ухудшает ее. <...>» (ПСС. Т. 76. С. 70—71).

котел, дровах для этого огня, ни о самом котле. Самое трудное — именно котел этот сковать и дрова и огонь зажечь»¹⁷⁶.

* * *

1905 год — особенный в жизни Л. Л. Толстого. Он действительно прошел для него под знаком беседы с Николаем II и страстного желания служить царю и Отечеству для того, чтобы Россия стала на путь реформы и свободы. Л. Л. Толстой позднее неоднократно писал царю. Вопросы государственной важности сменялись личными просьбами, так что сами обращения к Первому лицу России едва ли уже могли играть для Л. Л. Толстого такую же роль, как в год первой русской революции. Только летом 1916 года, когда до отречения Николая II оставались считанные месяцы, из Ясной Поляны до Ставки донеслись слова, продиктованные любовью, жалостью к венценосному сверстнику и страстным желанием в эту минуту подставить свое плечо. Как и зимой 1905 года, Л. Л. Толстой очертя голову бросался спасать Россию и ее монарха от неумолимого хода Истории. Едва ли кто-нибудь еще в эти последние дни писал Николаю II так отчаянно и бескорыстно.

Письма Л. Л. Толстого к Николаю II публикуются по автографам, хранящимся в ГАРФ, и черновым автографам, сохранившимся в личном архиве писателя (ИРЛИ).

¹⁷⁶ ГМТ. Архив Л. Н. Толстого. П. 108/12. Ед. хр. 76. Л. 1—6.

ПИСЬМА А. А. ТОЛСТОГО НИКОЛАЮ II

1

3 января 190<5> г.¹
<Петербург>

Ваше Императорское Величество,

Русские государи всегда были просвещенными помощниками наших писателей и поэтов. Принадлежа к числу пишущих, обращаюсь к Вашему Величеству за покровительством. Я написал драму под названием «За кулисами войны», в которой постарался показать всю ту скорбь, какую производит война в частной жизни. Мне кажется, что постановка моей пьесы была бы желательна в настоящую минуту и могла бы лишний раз показать, что Россия и ее Глава, несмотря на твердое решение вести войну до последней крайности, — не изменили своего отрицательного отношения к войне вообще и более, чем когда-либо, понимают ее ужасы и скорбят за их последствия.

Ваше Величество, я был бы счастлив лично прочесть Вам мою драму. Если это не удобно, прикажите прислать Вам рукопись драмы через Министерство Двора и, если она понравится Вашему Величеству, прикажите Императорскому Петербургскому Театру поставить пьесу².

Я давал ее на прочтение артистке С.-Пет. Императорской Сцены Марии Гавриловне Савиной, которая нашла желательной постановку драмы на Александринском театре и выразила при этом мнение, что постановка должна быть произведена в скорейшем времени. Г-жа Савина согласилась участвовать в пьесе³.

Простите, Государь, что беспокою Вас. Дерзаю делать, зная Ваше доброе и отзывчивое сердце и желая идти наипрямым путем.

Вашего Величества покорнейший слуга
и искренний доброжелатель

Граф Лев Львович
Толстой.

РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Ед. хр. 8-а. Л. 116—117. Автограф. В деле сохранилась также машинописная копия, снятая в канцелярии Министерства Императорского Двора для работы с документом (там же. Л. 115—115 об.).

Уже 5 января 1905 года начальник канцелярии Министерства Императорского Двора генерал-майор А. А. Мосолов подготовил официальный запрос в Дирекцию Императорских театров о пьесе Л. Л. Толстого. В бумагах канцелярии МИД сохранился черновик этого письма за № 118 с пометой: «Срочное» (там же. Л. 118). Ответ не сохранился, однако известно, что он был для Л. Л. Толстого неутешительным.

1 В оригинале ошибочно: «04 г.».

2 В ГТБ сохранился машинописный экземпляр, поступивший в контору Императорских театров из драматической цензуры с пометой: «К представлению признано неудобным. СПб. 8 января 1904 года. За цензора драматических сочинений Д. С. С. И. Литв[инов]». Ниже на титульном листе, под заглавием и именем автора, другая помета: «К представлению дозволена. С.-Петербург. 22 сентября 1905 г. Цензор драматических сочинений О. Ламков».

3 В архиве Л. Л. Толстого сохранилось недатированное письмо ведущей актрисы Императорского Александринского театра Марии Гавриловны Савиной (1854—1915), которое подтверждает слова Л. Л. Толстого:

«Многоуважаемый граф Лев Львович,

По „общему положению“, цензура разрешает патриотические пьесы, „бодрящие дух“, а отнюдь не удручающие настроения. К сожалению, Ваша принадлежит к последним и потому одобрена быть не может. Сейчас мне передал об этом И. М. Литвинов. Конечно, вы можете это обжаловать в высших инстанциях, т. к. переделка, которую предлагает Ив. Мих., нелегальна: надо написать новую пьесу, „бодрящую дух“, и, стало быть, исказить Вашу идею. Экземпляр (два) Вы можете получить из Гл. Управления по делам печати, один у директора, а четвертый, с прошением в Комитет, посылаю при этом.

Директор и Гнедич вчера спрашивали у меня пьесу. Жму Вашу руку и весьма сожалею, что мое ходатайство не принесло Вам пользы.

М. Савина».

(ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 577. Л. 6—7). Условно по содержанию письмо можно датировать первыми числами января 1905 года. Экземпляр пьесы в архиве Л. Л. Толстого не сохранился. Директором Императорских театров был в это время Владимир Аркадьевич Теляковский (1861—1924). Управляющий русской драматической труппой Императорских С.-Петербургских театров Петр Петрович Гнедич (1855—1925) был знаком с Л. Л. Толстым с конца 1901 года. Сохранились четыре его письма к Л. Л. Толстому 1902 года (там же. Ед. хр. 258. Л. 1—9).

14 января 1905 г.
Петербург

Ваше Величество,

Считаю нравственным долгом довести до сведения Вашего Величества, что Вашей жизни и спокойствию России грозит великая опасность. После кровавых событий этих дней я виделся и говорил с сотнями различных людей и вынес безнадежное, удручающее впечатление от настроения, царящего в обществе и всем народе. Среди общего волнения, недовольства и скорби, я много раз слышал от образованных, интеллигентных людей нелепое, непонятное и преступное убеждение, что только продолжение системы террора, начавшегося с убийством Плеве¹, может помочь положению вещей в России и что после событий 9-го января террор непременно будет усилен. На возражение, что никакое насилие никогда не приносило благих результатов, сторонники террора говорят, что это неправда и что, если бы даже это было правдой, у них не остается других средств для борьбы с существующим злом. Эти извращенные, страшные убеждения и речи известного слоя общества, в последнее время значительно увеличившегося, глубоко взволновали меня и привели к следующим мыслям.

Положение, переживаемое Россией, одно из самых тяжелых и сложных, не только в нашей, но и всемирной истории. Труднейшая, по своим условиям, внешняя война совпала с сильным брожением внутри страны, вызванным ростом народного сознания и тысячами неудовлетворенных потребностей народной жизни. Два крупнейших дела поэтому одновременно пали на плечи русского правительства, — два неотложных, насущных дела, — борьба с Японией за преобладание на Дальнем Востоке и необходимость внутренних реформ.

Мне казалось, Государь, как и многим русским людям, желающим России возможно благополучнее пройти через переживаемое время, — мне казалось, не далее как десять дней тому назад, когда я написал статью для газеты «Новое время», под названием «Мужики — работники „и лихие люди“», которую решаюсь приложить к этому письму и которую даже «Новое время» не решилось напечатать², — мне казалось, что несмотря на несомненную необходимость некоторых изменений внутри страны, можно и должно было подождать с ними, пока не окон-

чена война. События и настроения последних дней ярко показали мне мое заблуждение.

Ждать стало совершенно невозможно потому, что появились страшные, зловещие признаки все ухудшающегося положения вещей. Оказалось, что Русская Земля заражена тяжелой болезнью и, если не принять быстрых и решительных мер к ее лечению, она будет ухудшаться очень быстро и Бог знает, к чему нас приведет.

Переживаемые нами рабочие и социальные беспорядки, как нарыв на теле, показали нам его болезненное состояние. Нарыв этот прорвался, с кровью и страданиями, но всюду кругом зревают новые, худшие нарывы, которые излечить будет нельзя, если допустить их образование. Тогда еще труднее будет помочь больному телу.

Единственным целебным и действительным средством, Государь, помочь России и оживить ее в настоящую минуту, по моему мнению, является созыв Земского или Русского Собора, — собрания благоразумных русских людей со всех концов страны, которые бы обсудили положение вещей и изыскали меры, необходимые для удовлетворения и умиротворения русской жизни. Надо сейчас же, *не теряя ни минуты*, объявить во всеулышанье всем русским людям, что Вы хотите, Государь, созвать их и посоветоваться с ними, а затем в действительности, возможно скорее, созвать «Русский Собор». Уже этой весной он должен быть созван. Выборные от земств, от городов, от различных сословий и обществ съехались бы в Петербург и это сразу оживило бы не только мертвенный, в последнее время, застой столичной жизни, в которой зреют преступные, тайные замыслы, но оживило бы всю внутреннюю жизнь России, воскресило надежды, подавило смуту и благотворно, бодряще подействовало бы и на русскую армию, там, на Дальнем Востоке, которая, отвечая общему подъему народа, скорее бы дала ему желанную победу над врагом.

Ничто, кроме такой трезвой, назревшей, чисто практической и *государственной меры*, не поможет теперь России. Никакая новая свобода, никакие обещания, никакие репрессии³. Только дело, немедленно начатое и осуществленное, может успокоить и умиротворить взволнованную страну.

Настало время, Государь, когда Россия уже не может быть управляема так, как прежде. Царю необходимы помощники, помощники истинные, понимающие и чувствующие насущные нужды народа, — настало время, когда царю нужен посредник между ним и его подданными. При усложнившейся и расширившейся русской жизни, русскому правительству, какое оно сейчас, не-

возможно уследить за ее ходом и требованиями. Это стало совершенно ясным, определившимся фактом, с которым нельзя не считаться. Благоразумным людям нельзя закрывать на него глаза.

Поэтому, умоляю Вас, ради блага России, ради Вашего блага, — кликните клич, Государь, горячий и громкий, клич, полный доверия к Вашему народу, и он с восторгом отзовется на него и сейчас же выйдет к Вам своих лучших людей. Эти люди пусть станут для Вас навсегда Вашими верными помощниками в делах правления, пусть облегчат Вам Вашу личную жизнь и защитят Ее от злых людей. Они только усилят собой Вашу власть тем, что она через них станет скорее и вернее доходить до истинных нужд народных. Тогда и народ благословит Вас и охотно забудет все свое прошлое горе.

Написал Вам, сочтя своим долгом сделать это после всего, что я слышал и переживал за последнее время. Видел сцены, наводившие холодный ужас и панику. Видел толпы растерявшегося и обезумевшего темного народа, не знавшего, в ком и где искать спасения.

Бог свидетель, Государь, что только желание добра России и Вам и сознание того, что я владею крупницей правды, продиктовали мне это письмо. Время ужасное. Оно может привести нас к неслыханным событиям и кровопролитию. Решительные, крупные меры неизбежны. Простите еще раз и внимайте искреннему слову правды, отбросив все ради него.

Вашего Величества покорнейший слуга

Лев Льв. Т.

ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 102. Л. 1—3. Черновой автограф. Фрагменты опубликованы: Наше наследие. М., 1991. № 5. С. 84—85 (включительно — от начала письма до слов *необходимость внутренних реформ*; от *Надо сейчас до закрывать на него глаза*; от *Написал Вам* до конца).

¹ Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904), министр внутренних дел с 1902 года, 15 июля 1904 года был убит эсером Е. Сазоновым. Крах методов Плеве, поощрявшего еврейские погромы и репрессии, пытавшегося изнутри разложить рабочее движение, надеявшегося вывести Россию из революционной ситуации путем «маленькой победоносной войны», вынудил власти перейти к «эпохе доверия» Святополк-Мирского.

² В архиве Л. Л. Толстого экземпляр статьи не сохранился.

³ Л. Л. Толстой не знал, что 11 декабря 1904 года в беседе с Витте Николай II сказал: «<...> я никогда, ни в коем случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне Богом народа <...>» (*Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 335*).

30 января 1905 г.
 <С.-Петербург>

Ваше Императорское Величество,

Когда я оставлял Вас, Вы сказали мне, чтобы я писал Вам. Я не хотел делать этого до того, как это покажется мне необходимым. Сложность и важность настоящей минуты заставляют меня снова беспокоить Вас раньше, нежели я предполагал.

Мое свидание с Вами оставило во мне одно главное, глубоко запавшее мне в сердце впечатление, — у Вас нет помощников, Государь, Вы одиноки в делах царства. Вокруг Вас нет того живого ядра живых, бодрых, самоотверженных людей, без которых немислимо ни одно большое государственное дело. Это впечатление навело меня на мысль предложить Вам собрать вокруг себя нескольких молодых, образованных русских людей для обсуждения неотложного вопроса о созыве Земского Собора и о скорейшем даровании России для необходимого ее обновления представительного образа правления в национальном духе, как это было при Александре I и Александре II. Эти люди могли бы сгруппироваться вокруг Вас и основательно разобрать вопрос о созыве Собора и вполне подготовить для него почву. В состав Собрания этих людей или Комитета могли бы войти такие люди, как например, Шипов¹, Васильчиков², князь Павел Долгоруков³, князь Михаил Владимирович Голицын⁴, князь Сергей Ник<олаевич> Трубецкой⁵, Юрий Александрович Новосильцев⁶, Николай Николаевич Львов⁷, князь Э. Э. Ухтомский⁸, Николай Васильевич Давыдов⁹. Московский проф. Ключевский мог бы быть приглашен также, который при творческой работе молодого Комитета был бы полезен, как знаток русской истории и человек, могущий указать преемственные основы ее¹⁰. Шипов и Давыдов дали бы Комитету известный вес и характер своим положением и возрастом.

Мне кажется, Государь, что Вам нужны люди энергичные и молодые, если не телом, то духом, для разрешения настоящих великих задач, и только такие люди, окружив Вас и любя Вас, действительно помогут Вам.

Я представляю себе, что, собравшись в тихом Царском теперь же, по 1-му Вашему немедленному вызову, эти люди могли бы вполне ясно выработать проект созыва Земского Собора, такого, который потом не обратился бы в торжество меньшинства и не

стал бы победой олигархии, — что нежелательно во всех отношениях, — а был бы действительно выразителем нужд и потребностей большинства русского народа.

Собор нужен не такой, какой, я слышал, предполагает возможным одно правительственное лицо, Собор, состоящий из 400—500 членов¹¹. Нет, нужен всероссийский, Земский Собор, со всей русской земли, в который вошли бы представители всех сословий, числом до 2—3 тысяч людей, — могущие стать истинными, горячими выразителями нужд народных.

Конечно, было бы желательно, чтобы Собор был созван возможно скорее. Если успеется и будет возможно, он мог бы быть временно, до Святой Недели¹², созван и в этом году, для предварительных совещаний. Если же это представится невозможным ввиду приближающейся весны, придется теперь только объявить о нем, а созыв отложить до будущего января. Это время от января до Пасхи — самое удобное для заседаний и разбирательств, а осенью проведены бы были выборы.

Ваше Величество, после свидания с Вами я думал: «Если бы я мог быть полезным, если бы Государь позвал меня, я бы все бросил, — все мои дела, интересы, семью и пошел бы служить Ему для Его блага, связанного нераздельно с благом России. Только так можно принести пользу. Жертвуя жизнью, силами, всем, что имеешь».

Я предлагаю Вам, Государь, всю мою жизнь, все мои силы, как я уверен, сделают и все те, кого Вы позовете. Если бы Вы сейчас решили позвать к себе тех людей, на которых я указал, и тех, кого знаете и кому верите Вы Сами, я убежден, что они бы помогли Вам. Неделя, две, три занятий вместе, под Вашим руководством, Государь, уяснили бы множество вопросов и дали бы возможность открыто обещать России близкое светлое будущее. Нужны *решимость* и *творчество*, и только люди молодые способны на это.

Позовите помощников, Государь. Они вместе с Вами будут молиться, чтобы Бог дал им сил на дело добра, и вместе сделают, что можно, для блага России. Я¹³

ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 102. Л. 4—5 об. Черновой автограф.

¹ Шипов Дмитрий Николаевич (1851—1920) — председатель московской губернской земской управы, один из организаторов «Союза 17 октября», председатель его ЦК.

² Васильчиков Борис Александрович (1863—1931) — князь, крупный землевладелец, активный сторонник аграрной политики Столыпина.

³ Долгоруков Павел Дмитриевич (1866—1927) — князь, крупный помещик, рузский уездный предводитель дворянства, один из основателей

«Союза освобождения», один из участников создания партии конституционных демократов.

⁴ Голицын Михаил Владимирович (род. 1873) — князь, сын московского головы.

⁵ Трубецкой Сергей Николаевич (1862—1905) — философ, профессор Московского университета, первый выбранный ректор, либеральный деятель; был во главе депутации земских и городских деятелей, которую 6 июня 1905 года принял Николай II.

⁶ Новосильцев Юрий Александрович — земский деятель в Тамбовской губернии, темниковский уездный предводитель дворянства; был в составе депутации от земств и городов к царю.

⁷ Львов Николай Николаевич (1867—1944) — крупный землевладелец, один из основателей «Союза освобождения», член ЦК «Партии народной свободы».

⁸ Ухтомский Эспер Эсперович, князь (1861—1921), был другом юности Николая II. См. о нем также примеч. 88 в предисловии к публикации.

⁹ Давыдов Николай Васильевич (1848—1920) — юрист, писатель, приват-доцент Московского университета, близкий знакомый А. Н. Толстого.

¹⁰ Ключевский Василий Осипович (1841—1911) — историк, академик.

¹¹ Речь идет о проекте, разрабатываемом новым министром внутренних дел А. Г. Булыгиным, принятом в июле 1905 года и опубликованном 6(19) августа 1905 года вместе с Манифестом Николая II.

¹² Пасхальная неделя в 1905 году пришлось на 17—23 апреля.

¹³ На этом рукопись обрывается.

4

13 декабря 1905 г.
<С.-Петербург>

Ваше Величество,

Только два слова правды, ради общего блага.

Витте — враг России. Витте — великое, величайшее зло нашего времени. Так думаю я и так думают десятки тысяч русских людей. Витте сполн и развратил народ винной монополией, он разорил его дешевым тарифом, унесшим из России миллионы сырья. Он убил промышленность. Наконец, он заключил позорный мир, накануне наших побед, и создал этим и другими условиями русскую революцию.

Было бы несправедливо утверждать, что Витте один всему виной. Но справедливо то, что он — враг, поневоле, может быть, но враг наш¹. Прежде всего надо, чтобы он удалился и не мешал другим. Его близкая связь с евреями², его близорукость и незнание общества, его политика, его странное, ничем не объяснимое поведение во время последних событий, — все это всем

обществом русским жестоко осуждается. Мой отец сказал недавно: «Все это наделали евреи». Я прибавил к этому: «С позволения Витте, женатого на еврейке». Чего хочет он? Если дальше идти по пути распущенности и анархии, мы погибнем, как я писал в прошлом письме³. Как мог граф Витте допустить печать до пропаганды революции и для каких целей он это делал? Нигде никогда люди порядка и правды не поступали так. А граф Витте поступал, как сторонник именно беспорядка и революции. Такой человек не может быть терпим во главе правительства. Многие умные люди, бывшие у него недавно, говорили мне в один голос, что они не понимают Витте и его действий, что он-то и есть самое великое наше зло. Я разделяю это мнение и довожу до сведения Вашего Величества те основания, на которых такое мнение поставлено.

Народ говорит про Витте то же самое, обвиняя его во многих своих бедах. Прежде всего, Ваше Величество, нам нужно установить в России *порядок*. Этот *порядок* может быть достигнут только двумя средствами. 1-ое — это сильная военная власть и 2-ое — это сильное, строгое законодательство. И того, и другого у нас сейчас нет, а если есть, то и то, и другое у нас ослабленно, несовершенно. Как же можно усилить эти две основы государственности, когда их само же правительство еще и еще расшатывает? Как будет солдат хорошим солдатом, когда он читает газету «Набат»⁴ или «Молву»⁵, зовущие к резне и восстанию? Как будет крестьянин уважать чужую собственность, когда ему говорят, что позволено ее грабить? И так далее. А правительство Витте все это допустило, допустило кровопролитие и разращение массы, которую надо воспитывать осторожно.

Мне кажется, Ваше Величество, что и другие помощники Ваши не все понимают того, что нужно теперь России. Министр народного просвещения играет в руку того же беспорядка, разрешая школам *автономию*⁶, тогда как именно этой *автономии* нашей школы, низшей, средней и высшей, нельзя давать теперь, при том *безумии*, — я называю настроение совершенно верно, — при том нелепом *безумии*, какое охватило общество и среди него также учительский персонал. Учителями праят гимназисты потому, что и учителя хотят анархии и беззакония.

Нет, Ваше Величество, — не *автономия* нужна теперь школе, автономия слишком большая, перешедшая в распущенность и безобразие, именно и была и есть причина бедственного положения русской школы. Для поднятия ее нужен новый строгий законный порядок, нужно учреждение *единой государственной* низшей, средней и высшей школы, в которой ни ученик, ни учитель не смели бы ни на шаг отступать от школьной программы, правил

и законов, как это везде. Тогда только бедная русская школа воскреснет. Надо, чтобы Дума выработала законы, не только для школы, но и для всех отраслей русской жизни, и только, *соблюдая* эти законы, все без исключения, под строжайшей судебной ответственностью, мы, наконец, установим у себя лучший порядок.

А при чем же тут автономия? Нам нужен *порядок*, Ваше Величество,— прежде всего. Он будет достигнут только после долгого, кропотливого труда, черного и часто скучного. Но без него ничего не будет. Я верю, что Дума возьмется за него и будет действительно началом новой русской жизни. А пока? Пока надо очистить несчастную Россию от всего вредного, злого, опасного для нее. Надо запрещать всякое проявление революционных стремлений, уничтожать их при возникновении, *вырывать с корнем* больную, сорную траву. Суд должен карать печать моментально, должен карать все, противное общественному благу, все злое, которое никогда не может стать законным, никогда не должно быть терпимым.

«Свобода,— говорит Сведенборг⁷,— делать злое кажется свободою, но на самом деле это рабство потому, что эта свобода происходит из любви к самому себе, а это любовь от ада. Свобода же делать доброе — настоящая свобода потому, что она проистекает из любви к Богу и она всегда терпима».

Правительство призвано карать свободу злую и вознаграждать свободу добрую. Пресекать первую и поощрять вторую.

Простите, Ваше Величество, что еще занял Ваше внимание. Делаю это по велению совести. Молю Бога, чтобы Он помог Вам и исстрадавшейся России. Вижу ее дальнейший путь, ее расцвет. Но надо сознать, что ей нужно. Все сначала ей, но на *строгом, новом законе*, который пусть выработает Дума и с которым согласитесь Вы, добрый Государь.

Вашего Величества верноподданный

Л. Л. Толстой.

ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 102. Л. 6—9 об. Черновой автограф.

¹ После подписания Портсмутского мира нападки на Витте резко усилились в прессе. Надежда Витте на содействие всего русского общества, выраженная в беседе с английским журналистом, ученым, переводчиком Эмилием Диллоном в ноябре 1905 года, натолкнулась на резкое сопротивление кругов, близких к «Новому времени». С другой стороны, и левая печать отказала Витте в доверии. В статье «Витте большой и Витте маленький» С. Люб писал: «<...> Витте своей новенькой короной (Витте был удостоен графского титула после успешного окончания переговоров с Японией. — В. А., С. З.) не удастся затормозить колесо истории. <...>. Такова судьба этого великого и гениального железнодорожного кассира, ставшего маленьким государственным человеком в великую историческую эпоху» (Жизнь. М., 1905. 4 дек., № 8. С. 2).

² Витте настаивал на том, чтобы «предоставить евреям равноправие с другими подданными государя» (*Витте* С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 210).

³ Письмо неизвестно.

⁴ Газета социал-демократов «Набат» вышла 6/19 декабря 1905 года вместо «Русской газеты». В статье «Час возмездия» газета писала: «Правительство развязало себе руки. <...> Мы заявляем, что, кто сеет бурю, тот пожнет ветер. Берегитесь. Час отмщения близок; наступит час грозного возмездия: он не ждет! Правительство умывает руки, как Пилат» (Набат. СПб., 1905. 7(20) дек., № 2. С. 1). На следующий день газета выступила с еще более резким заявлением: «Нужды народа могут вылиться только в Учредительном Собрании, созванном на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права; самодержавие народа должно вопариться на русской земле. Еще один мощный натиск революции, один удар и гнусный режим погибнет» (№ 3. С. 1).

⁵ С первых же номеров газета «Молва» (ред. А. В. Зенгер) активно выступила против политики царского правительства и тех кругов, которые поддерживали ее. Всеобщую стачку газета сразу же назвала революцией (1905. 9(22) дек., № 5. С. 3). После подавления московского восстания 18(31) декабря 1905 года «Молва» в статье «Московская драма» писала: «Кто победил в Москве? Правительство или революция? <...> Сбитая с ног революция, выкупавшись в крови своей и забрызгав ею холодную, равнодушную массу, поднимется неизбежно вновь, как Антей с земли, с десятикратными силами. <...> Главный и вполне бесспорный его результат, что правительство помогло революции окончательно стать на ноги в самой России. Оно помогло ей доказать, что она может успешно и продолжительно бороться за свое существование открытым восстанием не на одних иноподобных окраинах, но в сердце государства, на улицах столицы против войск во всеоружии современных средств истребления и уйти с поля битвы, накрывшись шапкой-невидимкой, чтобы завтра появиться в другом месте...» (№ 10. С. 3).

⁶ О некоторых дополнительных мерах по упорядочению системы образования до введения общей реформы законодательным путем министр образования граф И. И. Толстой уведомил попечителей учебных округов (см.: Новое время. СПб., 1905. 13(26) дек., № 10685. С. 3).

⁷ Сведенборг Эмануэль (Swedenborg; 1688—1772) — шведский ученый, теософ-мистик, последователи которого имеются в разных странах мира.

5

20 дек[абря] 1906 г.
С. Петербург

Ваше Величество,

Имею счастье при сем послать Вам «Памятку русского солдата», написанную мной для русских войск. Военное министерство нашло желательным распространение Памятки среди низших чинов. Одно слово одобрения Вашего Величества было бы для меня большой радостью и могло бы содействовать успеху «Памятки»

и ее воспитательному назначению. Некоторые войсковые части самостоятельно выписывают ее для солдат, но, конечно, без поощрения со стороны высших властей вряд ли можно рассчитывать на более крупные заказы и широкое распространение «Памятки» среди армии, гвардии и флота. Она была напечатана в журнале «Русское чтение» Полковника Дубенского¹, а теперь издана мной отдельно. Решаюсь беспокоить Ваше Величество по поводу этого дела только ради могущей быть от него общей пользы для России.

Вашего Величества верноподданный

Граф А. А. Толстой.

РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. 1. Л. 35—36. Автограф.

К письму приложена брошюра: Толстой А. А. Памятка русского солдата. СПб., 1907 («Патриотическая библиотека», № 1).

По мысли автора, «Памятка» должна была ослабить и перебить то впечатление, которое производило одноименное сочинение А. Н. Толстого. Изданная впервые «Свободным словом» в Англии в 1902 году, «Солдатская памятка» в 1906 году была выпущена издательством «Обновление», и, хотя издание было конфисковано, слово А. Н. Толстого расходилось по рукам и будоражило мысль (ПСС. Т. 34. С. 583—584).

Поступок сына очень огорчил А. Н. Толстого. Не помогло и письмо, которое А. А. Толстой вскоре отправил отцу:

«С. Петербург
30 января [19] 07 г.

Дорогой папа, ты и Чертков говорили мне, что не можете относиться не только с любовью, но даже терпимо к человеку, который с Вами не одних взглядов. Я этого не понимаю и продолжаю любить вас обоих.

Я люблю тебя горячо, как кровного отца,— не воспитателя,— люблю тебя, как человека и писателя, но считаю и буду считать нужным говорить правду о твоих взглядах потому, что они слишком значительны, чтобы о них молчать. Я знаю, что этим врежу прежде всего самому себе, в смысле популярности и любви нашего общества, я знаю, что меня кругом «ругают», по выражению брата Ильи, который здесь начал с того, что хотел меня «ругать», но потом отложил это дело до другого раза. Я знаю, что с точки зрения сыновней, мне не следовало бы говорить об отце, но ты мне не только отец, а еще человек и писатель, влиявший и влияющий на Россию, и, так как Россия мне дороже всего, я считаю нужным твое влияние, поскольку оно вредно, ослаблять. Может быть, я вовсе не достигаю этой цели,— это уже вопрос другой,— но я объясняю тебе мои побуждения. Мне дороже всего правда, от которой зависит наше счастье и счастье мира, и ради этой правды, я говорю против тебя открыто. Разумею, говоря все это, мою статью в «Голосе Москвы» «Отрицание или совершенствование», «Памятку русс. солдата», «Памятку русс. офицера» и др. статьи, хотя в последних о тебе упоминается мало или без названия имени.

Мне одинаково больно, как и тебе, что пришлось так поступать. Конечно, неприятно это и всем тем, кто нас знает. Но это нужно было сделать, на мой взгляд, и я даже не считаю себя в этом виноватым. Нужно было рассеять туман, вскрыть до конца нарыв. <...>

Любящий тебя горячо сын

А. А. Толстой.

Не знаю, как ты отнесешься к этому письму. Хотелось бы, чтобы ты отнесся так, чтобы стало легче. Конечно, ты сделаешь это».

(ГМТ. Архив Т. А. Сухотиной-Толстой. Ед. хр. 56268. Л. 1—3 об.) На конверте помета: «Б<ез> о<твета>» (там же. Л. 4). Свою позицию Л. Н. Толстой разъяснил 14 марта 1907 года в беседе с И. К. Дитерихсом о Л. А. Толстом: «<...> может писать, что угодно, только не под тем же названием, что отец. Из простого приличия» (*Маковицкий Д. П. У Толстого. Кн. 2. С. 395*).

Устремленные к своему пониманию правды, отец и сын уже давно не слышали друг друга. Выпуском «Памятки» Л. А. Толстой намеревался открыть в основном им магазине и книжном складе «Доброе дело» небольшое издательство по типу «Посредника», но с иным уклоном. Этому начинанию не суждено было осуществиться. В «Патриотической библиотеке» вышла еще лишь «Памятка русского офицера» (СПб., 1907. № 2).

Пока Л. А. Толстой ждал ответа, 2 января 1907 года из Царского Села начальник военной походной канцелярии Его Императорского Величества князь В. Н. Орлов отправил официальное письмо временно исполняющему обязанности начальника канцелярии Министерства Императорского Двора князю С. В. Гагарину:

«Милостивый Государь

Князь Сергей Владимирович.

При сем имею честь препроводить Вашему Сиятельству, для доклада Его Высокопревосходительству г. Министру ИМПЕРАТОРСКОГО Двора, полученное мною от ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА письмо Графа Л. А. Толстого, причем ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО соизволил высказать, что желательно графу, по содержанию его памятки, выразить одобрение ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА. *Памятку же ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР изволил оставить у себя.* (Курсив наш. — В. А., С. 3.)

Ввиду того, что от ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА не последовало В ы с о ч а й ш е г о указания, в какой форме выразить Графу Толстому, за его труд, Милостивое одобрение ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, благоволяете испросить у Его Высокопревосходительства, не будет ли признано нужным об изложенном внести во всеподданнейший доклад Министра И М П Е Р А Т О Р С К О Г О Двора.

Примите уверение в совершенном моем
уважении и преданности
Князь Орлов».

(РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. 1. Л. 34. Машинопись с подписанием-автографом.)

Однако вскоре князю Гагарину был представлен еще один документ: вырезка из газеты «Биржевые ведомости» за 3(16) января 1907 года (№ 9676. С. 2). Канцелярия Министерства Императорского Двора четко отслеживала материалы, касающиеся лиц, находящихся в поле зрения Николая II. И в данном случае в заметке «Сын, восставший на отца» речь шла именно о «Памятке русского солдата» Л. А. Толстого. Автор ее, скрывшийся за псевдонимом «А-въ», писал: «У великого писателя земли русской Льва Толстого есть сын, тоже писатель, тоже Лев, но отнюдь не великий. Между Толстым-отцом и Толстым-сыном — дистанция огромного размера.

<...> И кровожадный сын великого писателя проповедует русскому солдату не слагать оружия до тех пор, пока он не покорит всего мира. <...>

Итак, „гром победы раздавайся“ и побоку все внутренние реформы, народное представительство, свободы! К черту их, когда пред нами другая задача: покорение мира!

И такие взгляды проповеваются после Ляояна, Мукдена и Цусимы, обнаруживших все наши внутренние язвы, всю призрачность шовинистических толков о нашей непобедимости и великой миссии — покорить весь мир!

Надо полагать, что Л. Л. Толстой не остановится на первом выпуске своей „патриотической библиотеки“ и в дальнейших выпусках займется опровержением других взглядов, распространявшихся по миру из Ясной Поляны, и окончательно равенчает яснополянского отшельника...»

Нет сомнений, что заметка была прочитана и князем Гагариным, и министром Императорского Двора бароном Фредериксом. Она сохранилась в делах Канцелярии (см.: там же. Л. 46). А главное, заметка послужила поводом для следующего распоряжения:

«Г. Министр приказал конфиденциально запросить мнение об этом издании Главного Штаба.

Кн. С. Гагарин.

9/1—907» (там же. Л. 48. Автограф).

На следующий день за подписью князя Гагарина был составлен черновой вариант письма № 287 в Канцелярию Комитета по образованию войск с пометой: «Конфиденциально» (там же. Л. 49. Автограф, вероятно, князя Гагарина).

Комитет по образованию войск собрался на заседание и вскоре Л. Л. Толстой получил официальный документ, подписанный делопроизводителем, подполковником Ю. С. Лазаревичем:

«Председатель
Комитета по образованию войск.
13 января 1907 г.
№ 28
С.-Петербург

Милостивый Государь
Граф Лев Львович

Комитет по образованию войск, рассмотрев выпущенную Вами в свет брошюру „Памятка Русского Солдата“, нашел изложенные в ней мысли совершенно правильными и вполне оценил стремление Ваше прийти на помощь Русской Армии в деле борьбы с тлетворным влиянием революционной пропаганды.

Тем не менее, Комитет по образованию войск с глубоким сожалением вынужден Вам сообщить, что, несмотря на все литературные и другие достоинства Вашей брошюры, он лишен возможности рекомендовать ее для обращения в войсках, так как, указывая солдату его долг, Вы упоминаете лишь об одном стимуле этого долга, а именно об обязанностях перед Родиной, совершенно упуская из вида другой — не менее важный — обязанность по отношению к Верховному Вождю армии и Русского Народа. Этот пробел Комитет не может не признать существенным, а потому будет считать себя в праве содействовать рассмотрению Вашей брошюры лишь в том случае, если таковой будет пополнен.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

Ю. Лазаревич.

Его Сиятельству
Графу Льву Львовичу
Т О Л С Т О М У»

(ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 398. Л. 1—1 об. Машинопись с подписью-автографом).

16 января 1907 года официальный ответ был направлен и в Министрство Императорского двора. Недалекие военные чиновники пожелали быть правее самого Императора и министра его двора:

Брошюра графа Л. Л. Толстого „Памятка Русского Солдата“ была им представлена в Комитет по образованию войск на предмет распространения в войсках.

Не отрицая искренности стремления автора дать русскому солдату полезные советы относительно его назначения и обязанностей, Комитет нашел, что все рассуждения его проистекают из идей, во вполне отвечающих установленным в нашей армии взглядам.

Так, автор совершенно игнорирует важнейшие основания, на коих зиждется дисциплина и порядок службы войск в мирное и военное время, а именно: преданность Престолу и Монарху, Верховному Вождю Армии, святошь присяги, знамени и долга каждого воина пасть в защиту этих идей.

Автор в брошюре своей обращается к иным чувствам солдата-гражданина, чувствам высоким и заслуживающим полного уважения, но составляющим лишь одну сторону, и притом менее важную, в деле воспитания нашего солдата.

На основании изложенных соображений Комитет постановил отклонить ходатайство графа Л. Л. Толстого.

Что же касается указаний автора, что брошюра эта уже одобрена Военным Ведомством, то считаю своим долгом сообщить, что о таком одобрении Комитету ничего не известно.

Председатель Комитета,
Генерал от Инфантерии
Делопроизводитель,
Подполковник

/А. Скугаревский/

/Ю. Лазаревич/»

(РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. № 1. Л. 50—51. Машинопись с подписью-автографом).

В Министерстве Императорского Двора возникло замешательство. Оно еще более усилилось, когда 27 января 1907 года военная газета «Русский инвалид» в бесплатном литературном приложении поместила рецензию на «Памятку» Л. Л. Толстого, прямо противоположную по своей тональности приведенному выше отзыву. Критик, подписавшийся криптонимом «В. Ж.», писал: «Талантливый и высокообразованный писатель, Л. Л. Толстой посвящает свои силы служению военной идее. Для человека не военного это особенно симпатично, и мы не можем обойти молчанием его небольшой, но полезный труд, который искренно приветствуем» (№ 4. С. 26). В канцелярии министерства внимательно прочитали статью и доложили о ней барону Фредериксу (в деле сохранилась вырезка с многочисленными карандашными пометами — РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. 1 Л. 53).

29 января 1907 года В. Б. Фредерикс поинтересовался, объявил ли князь Орлов автору «Памятки» графу Толстому «о Высочайшем одобрении „Памятки русского солдата“ <...>» (там же. Л. 54 об.). Так как ответ, вероятно, был отрицательным, министр поручил заготовить письмо главе военного ведомства А. Ф. Редигеру. Через две недели документ был отправлен военному министру. Подробно изложив историю вопроса, В. Б. Фредерикс далее писал:

«<...> Комитет (по образованию войск.— В. А., С. З.) постановил отклонить ходатайство Графа Л. Л. Толстого.

По докладу об изложенном Государю Императору, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ не благоугодно было соизволить на выражение Высочайшего одобрения Л. Л. Толстому.

Ныне же, в № 4 Литературных приложений к официальному органу Военного Министерства „Русскому Инвалиду“ за текущий год помещена

об упомянутой брошюре Л. Л. Толстого рецензия, которая характеризует эту брошюру с самой хорошей стороны и обращает на нее внимание всех тех лиц, кто близок к солдату и заботится об его духовном и нравственном развитии.

Вследствие чего, предварительно исполнив Высоч. резолюцию, имею честь просить Ваше Превосходительство не отказать в сообщении, признаете ли Вы желательным, чтобы графу Л. Л. Толстому был оказан знак МОНАРШЕГО внимания, и в чем именно, по Вашему, Милостивый Государь, мнению, могло бы выразиться в этом отношении ВЫСОЧАЙШЕЕ одобрение.

Примите уверение в истинном почтении
и совершенной преданности.

Барон Фредерикс.

№ 1379

15 февраля 1907 г.» (там же. Л. 55—56). Машинопись с авторской правкой. Черновой экземпляр.

Пока в Военном министерстве готовили ответ, и Л. Л. Толстой не сидел сложа руки. Об этом свидетельствует письмо Н. Н. Лазарева, отправленное на официальном бланке одного из подразделений Военного министерства.

«Делопроизводитель
Комитета по образованию войск.
9. III. 1907 г.
С.-Петербург
Мойка, 67/69

Граф
Лев Львович.

Приложу все усилия, чтобы наверстать потерянное время и скорее объявить <1 неразб.> о Вашей брошюре.

Указание на брошюру отца Вашего пришлось сделать, основываясь на действительном случае, когда в одном магазине, вместо Вашей брошюры, навязали солдату *бесплатно* несколько брошюр Л. Н. Толстого.

Я полагаю, что по исправлении брошюры, которую, конечно, лучше назвать „Назначение русск. сол.“, никаких препятствий к распространению не будет.

Готовый к услугам

Н. Н. Лазарев.

Его С-ву

Графу Л. Л. Толстому» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 397. Л. 1. Автограф).

Из письма Лазарева не вполне ясно, по какому поводу ему пришлось сопоставлять сочинения отца и сына. В ответе военного министра барону Фредериксу находим необходимые сведения: речь идет о закрытом заседании, информация о котором Л. Л. Толстой получил гораздо раньше министра Императорского Двора:

«Милостивый Государь,
Барон Владимир Борисович.

Комитет по образованию войск, рассмотрев в заседании 20 февраля сего года брошюру Графа Л. Л. Толстого „Памятка русского солдата“, постановил объявить о выходе брошюры в свет при условии, что автор исправит ее согласно указаниям Комитета и изменит ее заглавие ввиду того, что под тем же названием распространяется брошюра Графа Л. Н. Толстого, крайне вредного направления.

Признавая написанную Графом Л. Л. Толстым брошюру заслуживающей внимания и желательной для распространения нижних чинов, я нахожу, что автор ее за свою патриотическую деятельность заслуживает выражения знаков Монаршего внимания, но лишь после того, как он исправит брошюру согласно указаниям Комитета по образованию войск и заменит ее заглавие. Я полагаю, что внимание ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА к труду Графа Л. Л. Толстого могло бы быть выражено в форме объявления Графу Толстому ВЫСОЧАЙШЕГО благоволения, сообщенного в письме от Вашего Высокопревосходительства.

Сообщая о таком моем мнении вследствие письма от 15 февраля настоящего года за № 1379, прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в совершенном уважении и преданности.

А. Редигер.

19 апреля 1907 г.

№ 32702

Его Высокопревосходительству

Барону В. Б. Фредериксу

Министру Императорского Двора» (РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726).

Ед. хр. 1. Л. 57—57 об. Машинопись с подписью-автографом).

Через несколько дней из канцелярии Министерства Императорского Двора последовал запрос Л. Л. Толстому:

«Начальник
Канцелярии
Министерства
ИМПЕРАТОРСКОГО
Двора

Милостивый Государь
Граф Лев Львович,

По встретившейся надобности, по поручению Министра ИМПЕРАТОРСКОГО Двора, имею честь просить Вас, Милостивый Государь, не отказать в сообщении, сделаны ли Вами, согласно указаний Комитета по образованию войск, исправления в написанной Вами "Памятке русского солдата" и, в утвердительном случае, взять на себя труд — доставить в Канцелярию Министерства ИМПЕРАТОРСКОГО Двора (Фонтанка, 20) экземпляр исправленной брошюры, если таковая уже перепечатана.

Примите, Милостивый Государь, уверение
в истинном почтении и совершенно преданности

А. Мосолов.

Его Сиятельству

Графу Л. Л.

ГОЛСТОМУ

№ 3848

28 апреля 1907 г.». (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 465. Л. 6—6 об. Машинопись с подписью-автографом).

Через день Л. Л. Толстой ответил А. А. Мосолову:

«30 апреля [19]07 г.

Милостивый Государь,

Имею честь уведомить Канцелярию Министерства Императорского Двора, что брошюра „Памятка русского солдата“ мной исправлена согласно указаниям Комитета по образованию войск и перепечатана в исправленной редакции, пока лишь в корректурном оттиске. Один экземпляр брошюры в исправленном виде имею честь, согласно Вашему желанию, при сем доставить.

С совершенным уважением

Гр. А. Л. Толстой.

Р. С. Брошюра в настоящем виде доставлена мной в Комитет для образования войск для утверждения ее одобрения и, вероятно, на днях будет мной получена для напечатания.

А. Л. Т.».

(РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. 1, л. 59—59 об. Автограф).

Сохранился и экземпляр брошюры с новым названием: «Назначение русского солдата». Исправления в тексте минимальные, как читатель может убедиться сам. Так, в уста солдата, отвечающего на нападки на армию, вложены следующие слова: «Я верю в Россию! Буду защищать мою родину, моего Царя, мой дом, мою семью, буду убивать врагов, если понадобится, и сам умру за родину и за Царя, которые для меня одно и то же, потому что больше, выше, сильнее всего люблю Россию и только в этой любви к ней нахожу счастье и смысл моей жизни и моих поступков!» (Толстой А. Л. Назначение русского солдата. 3-е изд. СПб., 1907. С. 8). Выделенные нами слова введены по настоянию Комитета по образованию войск (см.: РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. 1. Л. 64 об.). Аналогичный характер носит правка и в других случаях. В новом варианте требования к солдату сформулированы так: «Солдат должен постоянно помнить и сознавать, какое огромное значение поэтому имеет его отдельная личность — одна из частей всего огромного тела русской армии, начинающая с главы армии и народа — русского Царя, — и постоянно работать над своим совершенствованием и воспитанием» (там же. Л. 65 об.). Выделенные нами слова отсутствовали в прежних изданиях (ср.: Толстой А. Л. Памятка русского солдата. С. 10; Толстой А. Л. Назначение русского солдата. С. 10).

В третий раз А. Л. Толстой вписал несколько слов в конце брошюры. Обращаясь к русскому солдату, он напоминал: «Ты должен охранять интересы величайшей, могущественной, прекраснейшей и богатейшей страны в мире — России, русского царства и русского народа, и через них служить благу всего человечества» (РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. 1. Л. 65 об.; ср.: Толстой А. Л. Памятка русского солдата. С. 14; Толстой А. Л. Назначение русского солдата. С. 14. Разрядка наша. — В. А., С. 3.).

Конфликт с Комитетом по образованию войск был исчерпан, и барон Фредерикс, сочувственно относившийся к А. Л. Толстому, с легким сердцем мог изъять благодарность от имени Николая П. Черновой автограф посланного им А. Л. Толстому письма в деле сохранился.

«М<илостивый> Г<осударь>

Граф Лев Львович,

Государь Император, ознакомившись с изданной Вами брошюрой под заглавием „Назначение русского солдата“, входящей в состав Патриотической Библиотеки, Высочайше повелел объявить по этому поводу Вашему Сиятельству Высочайшее благоволение.

О таковой Монаршей воле считаю долгом поставить Вас, М<илостивый> Г<осударь>, в известность.

Примите уверение в истинном почтении и преданности.

Барон Фредерикс.

№ 4413

15 мая 1907.

Его Сия[тельство]ву

Графу А. Л.

Толстому.

Таврическая, 19» (РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. 1. Л. 70).

23 мая 1907 года министр Императорского Двора сообщил об этом и военному министру (см.: там же. Л. 71. Черновой автограф).

¹ С Дмитрием Николаевичем Дубенским, редактором «Русского чтения» и «Художественной летописи событий», Л. Л. Толстой был знаком и ранее. В его архиве сохранились два письма Дубенского 1906—1909 годов (см.: ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 291. Л. 1—6). «Русское чтение» не случайно привлекло внимание Л. Л. Толстого. В рекламном объявлении на 1906 год говорилось: «„Русское чтение“, первая в России народная газета, за все время своего существования преследовала прежде всего задачи просвещения народа и служения его интересам в духе исконно русских начал. <...> „Русское чтение“ с ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения выписывается на счет сумм Министерства Императорского Двора во все роты, эскадроны и батареи частей войск гвардии и армии, в коих ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволят состоять Шефом».

В обращении «К русским солдатам» Л. Л. Толстой писал: «Я хочу сказать вам несколько слов правды, русские солдаты. Надеюсь, что вы почувствуете и поймете, что мной руководит лишь желание быть полезным вам и России и что никаких других целей я не имею» (Русское чтение: Общедоступная газета с рисунками и картинами. СПб., 1905. 22 дек., № 151. С. 1—2).

6

22 апреля 1908 г.
С. Петербург

Ваше Императорское Величество,
Веря в доброе Ваше ко мне отношение, решаюсь обратиться к Вашему Величеству по личному делу.

Желая дать моим трем сыновьям хорошее воспитание, в смысле образования из них людей, могущих в будущем с пользой служить Вашему Императорскому Величеству, Сыну Вашему и России, и в то же время обладая ограниченными материальными средствами, обращаюсь к Вашему Величеству с покорнейшей просьбой сделать милостивое распоряжение о зачислении моих маленьких сыновей — Павла 7 л., Никиту 5 л. и Петра 3 л. — кандидатами в Императорское Училище Правоведения на стипендии Имени Вашего Величества, если возможно, с младших приготовительных классов и обеспечением их поступления в Училище, когда им исполнятся, через несколько лет, подходящие возрасты.

Надеясь, что просьба моя не будет неприятна Вашему Величеству, остаюсь

Вашего Величества

верноподданный

Граф Лев Львович

Толстой.

Адр. Таврическая, 19. С.-П.

РГИА. Ф. 1412. Оп. 80. Ед. хр. 136. Л. 2—3. Автограф.

Письмо написано вскоре после возвращения Л. Л. Толстого из Ясной Поляны, где он находился с 4 по 13 апреля 1908 года (см.: ПСС. Т. 78. С. 123). Прежде чем отправить его, Л. Л. Толстой советовался с управляющим канцелярией Его Императорского Величества бароном Александром Андреевичем Будбергом. На это предположение наталкивает письмо, частично датированное и, в сопоставлении с другими документами, приводимыми ниже, свидетельствующее о несомненной поддержке Будбергом прошения Л. Л. Толстого.

В ответ на несохранившуюся записку Л. Л. Толстого с просьбой о встрече Будберг писал:

«Милостивый Государь

Лев Львович,

Вернувшись вчера, в субботу, и не будучи свободен сегодня и завтра, могу только просить Вас заехать ко мне, Коломенская, 15, во вторник в 10¹/₂ ч. утра.

С совершенным почтением

Будберг.

20 апр.» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 201. Л. 6). Вторник в 1908 году приходился на 22 апреля.

В тот день вместе с письмом к царю Л. Л. Толстой обратился и к Будбергу:

«22 апр. 08 г.

С. Петербург

Глубокоуважаемый Барон

Александр Андреевич,

Пользуясь добрым разрешением Вашим, прилагаю при сем письмо мое Его Величеству с изложенной в нем просьбой и еще раз искренно благодарю Вас за любезное содействие.

Искренно уважающий Вас

Л. Л. Толстой».

Внизу помета карандашом: «дол<ожить>, т. е. *ускорить*».

28/IV»

(РГИА. Ф. 1412. Оп. 80. Ед. хр. 136. Л. 5. Автограф).

5 мая 1908 года А. А. Будберг приказал своим помощникам снести с Министерством юстиции и выяснить, можно ли удовлетворить просьбу Л. Л. Толстого (см.: там же. Л. 6).

В Министерстве юстиции с ответом не спешили, и Л. Л. Толстой повторно обратился к начальнику канцелярии:

«15 мая 08

С. Пет.

Глубокоуважаемый Барон Александр Андреевич,

23-его мая я должен уехать за границу и потому только решаюсь беспокоить Вас покорнейшей просьбой, если возможно, уведомить меня о судьбе дела, с которым я обратился к Государю Императору письменно через любезное содействие Вашего Высокопревосходительства.

С искренним уважением и преданностью

Граф Л. Л. Толстой.

Мой адрес в Швеции: Sverige. Enchepingen. Graf Leo Tolstoy (там же. Л. 5. Автограф).

Будберг откликнулся немедленно:

«Многоуважаемый
Граф Лев Львович,

Пока еще не имел случая доложить Ваше письмо Его ВЕЛИЧЕСТВУ. Ввиду возраста Ваших детей я полагаю, что время терпит.

Если бы ВЫСОЧАЙШАЯ резолюция последовала в Ваше отсутствие, я Вам сообщу по указанному Вами адресу.

Преданный Вам

Будберг.

16-го мая 1908» (ИРАИ. Ф. 303. Ед. хр. 201. Л. 4. Автограф).

27 мая 1908 года он официально направил запрос на имя министра юстиции (см.: РГИА. Ф. 1412. Оп. 80. Ед. хр. 136. Л. 7).

1 августа 1908 года управляющий Министерством юстиции, товарищ министра, сенатор М. Н. фон Люде ответил положительно: «<...> имею честь <...> уведомить Ваше превосходительство, что я, со своей стороны, по сношению с ЕГО ВЫСОЧЕСТВОМ Принцем АЛЕКСАНДРОМ ПЕТРОВИЧЕМ ОЛЬДЕНБУРГСКИМ, не встречаю препятствий к исходатайствованию ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения на зачисление сыновей графа Толстого, Павла, Никиты и Петра, кандидатами на могущие открыться в ИМПЕРАТОРСКОМ Училище Правоведения вакансии пансионеров ВЫСОЧАЙШЕГО имени. <...> (там же. Л. 8. Машинопись, подпись-автограф).

10 сентября 1908 года в канцелярии по принятию прошений был подготовлен проект «отказного письма» Л. Л. Толстому. Согласно высочайшей воле, речь могла идти не о внеочередных, как просил Л. Л. Толстой, а лишь о тех, которые откроются в порядке очереди (см.: там же. Л. 27).

Вероятно все же, что письмо было задержано, так как во время одной из аудиенций А. А. Будберг представил Николаю II «всеподданнейший доклад», в котором, в частности, говорилось: «<...> приемлю долг испрашивать В С Е М И Л О С Т И В Е Й Ш Е В А Ш Е Г О И М П Е Р А Т О Р С К О Г О В Е Л И Ч Е С Т В А соизволение на разрешение вышеизложенного ходатайства согласно отзыва Министерства Юстиции».

На сохранившемся проекте доклада помета: «На подлинном Г. Главного управляющего написано: „В Ы С О Ч А Й Ш Е разрешено зачислить очередными кандидатами.

Барон Будберг. Царское Село.

30-го октября 1908 года» (там же. Л. 10—10 об. Машинопись с авторской правкой и подписью-автографом).

В тот же день А. А. Будберг направил соответствующие письма о монаршей воле министру юстиции и просителю, графу Л. Л. Толстому (см.: там же. Л. 11—12 об., черновые наброски).

О принятом решении Л. Л. Толстой 2 ноября 1908 года писал С. А. Толстой из Петербурга: «Я просил Государя принять моих трех мальчиков на счет Государя в Правоведение. Вчера получил письмо, что Государь это сделал. Мне это было приятно по 2-м причинам. В<о>-1-х, что за сыновей ничего не нужно будет платить целых 10 лет, во-2-х, что Государь мне сделал, что я просил. Это все секрет. Их записали очередными кандидатами с приготов. классов. Я получил об этом официал. бумагу. Довольно было у нас Толстых негосударственников. Пора быть и министрами. Это шутка, а все же я рад» (ГМТ. Архив С. А. Толстой).

Действительно, «как закрытое учебное заведение, Училище Правоведения всегда ставило себе неременной задачей не только давать образование подрастающему поколению, но и воспитывать его в духе веры Христовой, любви и преданности Царю и Отечеству, чести и долга, приучая его к порядку и систематическому труду. <...> воспитанники училища занимали выдающееся положение на самых разнообразных поприщах государственной и общественной деятельности <...>» (Императорское училище правоведения в 1885—1910 годах: Памятная записка, составленная и. д. инспектора классов В. И. Соболевским. СПб., 1910. С. 38, 51).

В собственные руки.

14 сентября 1912 г.
 <С.-Петербург>

Ваше Императорское Величество,

Сегодня считаю моим долгом перед Вашим Величеством и Россией писать Вам, дерзая высказаться по следующим вопросам:

1) В России становится все тяжелее и тяжелее жить вследствие все более и более усиливающейся потребности народа правильно работать и вследствие невозможности работать так из-за наших бесчисленных праздников¹. Вопрос старый, но он не подвинулся ни на шаг. Сегодня Воздвижение, недавно — Рождество Богородицы, 1-го октября, в понедельник — Покров и так далее, и так далее, и жизнь в праздники становится, люди в тоске пьют, играют в карты и на бегах, молодежь не учится, и целые недели пропадают даром, миллионы рублей и неисчислимое богатство сил народных разлетаются по ветру. Когда же, Ваше Величество, Вы один, имеющий возможность положить конец этому великому злу — праздности русского народа, — Вашим одним словом дадите России избавление от этой рабской зависимости народной, общественной и государственной жизни от авторитета Церкви, гнетом сковывающего Россию?! Все останавливается в праздники и в кануны праздников, не только правильный труд, но даже разумные и полезные развлечения. Публика должна ходить взад и вперед по Невскому, не имея даже возможности накануне праздника зайти посмотреть кинематограф, дети не учатся, приучаются к праздности. Проект уменьшения праздников и сведения их к минимуму был разработан, но он провалился, не найдя поддержки. Я имел счастье писать Вам, Ваше Величество, в прошлом году о желательности и необходимости реформы русской Церкви². Сегодняшний вопрос связан с тем <же>. Нам необходимо решительно изменить в этой области характер русской жизни. Что было при Владимире Святом, осталось и поныне. Выносить этого дольше невозможно.

2) Второй вопрос, о котором я хотел сказать, — это о Балканах и возможности для России быть втянутой в войну. Мой взгляд, Ваше Величество, такой, что нам следует сейчас же открыто заявить, смело, решительно и непоколебимо, — что Россия ни в какую войну вмешиваться не будет, что она предоставляет на этот раз Балканским государствам самим выходить из затруднения и что, даже если Австрия сделает движение к войне или даже расширению своих владений, мы вмешиваться все-таки не

будем и не хотим потому, что у нас нет для этого никаких оснований. Нет сомнения, что даже, если Австрия усилится на Юге, нам от этого никакого убытка не будет, мы еще слишком слабы, слишком малочисленны, чтобы претендовать на хозяйничание на Босфоре. Без всякой войны мы свое получим, то, что нам нужно будет, и в будущем для наших торговых интересов через Босфор, а другого мы пока и не добиваемся и нам не нужно. Сохрани Боже становиться на пошлую точку зрения в наше время,— защиту братушек. Они довольно окрепли, чтобы защищаться сами и постоять за себя. «Воюйте, если не можете удержаться, но на нас не надейтесь». Вот какова должна быть русская политика. Много, много хотелось бы сказать Вам, Ваше Величество, но боюсь утомить Вас. Одного прошу Вас всеми силами души,— *приказывайте, Ваше Величество, приказывайте строжайшим образом* тем, кому нужно, чтобы было сделано все, что должно быть сделано сейчас в России, и спешите! Время не ждет. Надо реформировать Церковь, уничтожить праздники, винную монополию, ввести всеобщее обучение при реформированной церкви, надо ввести новый стиль, уничтожить или изменить паспортную систему, надо воспитывать народ, юношество, армию и флот, надо изменить весь уклад, весь характер русской жизни. Чтобы дни текли правильно, чтобы праздники не мешали труду, чтобы народ и общество привыкли рано вставать и рано ложиться (офицерство в частности), чтобы были запрещены игры в клубах и на бегах и скачках, чтобы были наказуемы пьянство, брань, жестокое обращение с животными, надо поднять знамя этой новой культурной, разумной жизни в России, высоко поднять его, и страна сразу обновится. Иначе все будет по-прежнему, распущенно, дурно.

До сих пор больно, Ваше Величество, о смерти Столыпина, к которому я питал большое доверие. Трудно заменить его. Одно утешение, что Вы, Ваше Величество, не оставили намерение Ваше дать России многое, и сознание, что Вы дадите. Но надо требовать, строжайше приказывать, чтобы было. Все эти люди — чиновники, и сами мало способны видеть широкие горизонты. Ими надо владеть, как детьми. Они ничего не видят дальше минуты, минутных интересов. Какая рутина всюду, начиная с Церкви и кончая Императорскими театрами. Живых людей точно нет, ничего нового, свежего они не допускают. И вследствие этого, конечно, страдают народ и общество.

Нас очень огорчило, Ваше Величество, переходя к нашим семейным делам, что правительство после смерти Столыпина³ отказалось от приобретения Ясной Поляны⁴. Теперь имение еще не продано, но скоро, вероятно, будет продано сестре моей Александре, которая отдаст часть его крестьянам. Наше старое ро-

довое гнездо будет разорено, и это, не переставая, гнетет меня. Если бы имение оставалось в казне, все-таки было бы не так обидно. Правда, мы хотим оставить себе усадьбу, но вряд ли она удержится в семье в будущем⁵. Без земли кругом она уже не будет иметь для нас значения, как прежде. Мне лично, при-
выкшему к Ясной Поляне и вообще к земле, очень тяжело не чувствовать с ней связи.

Простите, что пишу это, Ваше Величество, пишу потому, что Вы всегда были добры ко мне.

Кроме отнятых у нас прав на сочинения отца, мы лишаемся и имения, и все это по злой воле Черткова, овладевшего старчески большой волей отца⁶. Кроме того, мать моя не может добиться своих рукописей в Историческом Музее в Москве и теперь подала об этом жалобу в Сенат⁷. Как все это сложно и грустно, ведает один только Бог.

Хоть бы скорее все это как-нибудь разрешилось. Но жизнь сложна и надо ей покоряться, когда нельзя помочь. Живу для своих 6 человек детей⁸ и жду, чтобы судьба мне улыбнулась. Делаю, что могу, и вот поэтому пишу Вам, Ваше Величество. Иногда маленькие люди, стоящие, волей судеб, вне Колеса, могут сделать больше, чем те, кто вертятся в этом Колесе жизни и ничего не видят.

Перестройте Церковь, Ваше Величество, властной рукой! Позовите меня! Я помогу Вам! Об этом знать будет один Бог.

Вашего Величества верноподданный, любящий Вас сердечно
Граф Лев Львович Толстой.

Таврическая, 19.

С.-П.

ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр.102. Л. 10—13 об. Черновой автограф. На конверте: «Его Величеству Государю Императору» (там же. Л. 14). Письмо было адресовано барону В. Б. Фредериксу с указанием: «Его Величеству Государю Императору (в собственные руки). От графа Л. А. Толстого» (там же. Л. 15—16). Письмо опубликовано: Лица: Биогр. альманах. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1994. Кн. 4. С. 184—186.

¹ В 1912 году непроступивших дней оказалось 38, но в другие годы их было более 40.

² Письмо неизвестно.

³ Петр Аркадьевич Столыпин (1862—1911) был с апреля 1906 года председателем Совета министров и инициатором аграрной реформы в России. По его настоянию был издан 9 ноября 1906 года Указ, разрешавший выход крестьян из общины и закрепление наделной общинной земли в частную собственность. Был убит агентом охранного отделения Д. Г. Багровым в начале сентября 1911 года в Киеве. Л. А. Толстой с конца 90-х годов выступал за передачу земли в частную собственность (см.: Толстой Л. А. Против общины. М., 1900).

⁴ Л. А. Толстой, вероятно, не знал, что Николай II 20 декабря 1911 года отверг просьбу С. А. Толстой. «Нахожу покупку имения гр. Толстого правительством недопустимой. Совету министров обсудить только вопрос о

размере могущей быть назначенной вдове пенсии», — написал он свое мнение⁵ (цит. по кн.: Толстая С. А. Дневники. Т. 2. С. 562).

Официальная продажа земли А. Л. Толстой состоялась 26 февраля 1913 года (см.: там же. С. 388, 570—571).

⁶ Под влиянием С. А. Толстой Лев Львович во всем считал повинным Владимира Григорьевича Черткова (1854—1936), ближайшего друга и единомышленника Л. Н. Толстого. По завещанию, подписанному Толстым 22 июля 1910 года, все его сочинения и рукописи переходили «в полную собственность А. Л. Толстой». В приложенной к завещанию «Объяснительной записке» Черткову предоставлялось право просмотра и пересмотра рукописей (см.: ПСС. Т. 82. С. 227—230). А. Л. Толстой в письмах к С. А. Толстой после смерти отца постоянно настаивал на том, чтобы завещание было оспорено в судебном порядке (см.: ГМТ. Архив С. А. Толстой).

⁷ 22 октября 1912 года С. А. Толстая обжаловала у министра юстиции И. Г. Щегловитова решение министра просвещения Л. А. Кассо отдать ей рукописи Л. Н. Толстого. Щегловитов принял сторону вдовы Толстого, и 18 октября 1914 года «Сенат определил предложить министру народного просвещения незамедлительно снять арест с рукописей и выдать их в распоряжение гр. С. А. Толстой» (Толстая С. А. Дневники. Т. 2. С. 381, 416, 578, 580).

⁸ В 1912 году в семье Л. Л. Толстого было 6 человек детей: Павел, Никита, Петя, Нина (род. 22 октября 1906), Софья (род. 5 сентября 1908) и Федор (род. 2 июля 1912).

8

⟨ 4 апреля 1915 г.
Петроград ⟩

Ваше Императорское Величество,

Искренно любимый Государь,

Совестно мне в такие тяжкие дни беспокоить Ваше Величество частным делом. Решаюсь на это, зная доброту Вашу и надеясь, что просьба моя не прогневает Вас.

По милости Вашего Величества три сына моих записаны в Императорское Училище Правоведения на стипендии Высочайшего Имени. Но вот 8 лет прошло с их записи, а вакансий в Училище до сих пор нет.

Старший сын мой выдержал первым конкурсный экзамен на казенный счет и принят на таковой в прошлом году. Эту весну хотел я, чтобы и второй мой сын Никита также был бы допущен на конкурсный экзамен на казенный счет ввиду того, что свободных стипендий Высочайшего Имени нет. Но, по обычаю Училища Правоведения, в этом нам было отказано, так как двух мальчиков одной семьи на казенный счет никогда не принимают. Второй мой сын Никита также первый ученик в классе и держит

экзамен на круглые 12. Просьба моя, Ваше Величество, в том, чтобы Вы сделали распоряжение, если найдете это возможным, принять второго моего сына Никиту в Училище Правоведения вне очереди (конечно, не лишая других кандидатов их права иметь свое место по порядку записи), на стипендию Высочайшего Имени.

Этим Вы помогли бы мне, Ваше Величество, воспитать детей будущими слугами Вашими и России.

Бог благословил меня в смысле детей. Теперь у меня их семь человек, и трудно содержать семью, особенно вследствие воспитания моего и завещания отца, лишившего нас прав на его сочинения.

Простите меня за это письмо.

О себе лично дерзаю сказать, что война гнетет меня ужасно, что я страдаю, нравственно в этом году, как никогда¹. Но Бог милостив, Ваше Величество, настанут и лучшие дни и нельзя не верить в великую нашу родину и ее великое будущее. Народ русский вынесет всякое Божье испытанье и еще окрепнет и вырастет после него.

Воображаю, Ваше Величество, что должны испытывать Вы в отзывчивом сердце Вашем. Я много, много раз думал о Вас и страдал и страдаю вместе с Вами.

Господи, пошли нам спокойствия духа, утиши, укроти поднявшегося зверя... Страшен еще зверь с Востока — Китай, с которым не дай Бог столкнуться. Это еще бы усложнило положение. Надо бы влиять на Японию, чтобы она сейчас не начала войны. Чего ждет Италия? Да, мы, наш великий народ призван опять взять на себя львиную долю страшной борьбы...

Вашего Величества верноподданный

Граф Л. Л. Толстой.

14 апр. 1915 г.

Петроград.

РГИА. Ф. 472. Оп. 60. Ед. хр. 2277. Л. 85—86 об. Автограф.

Письмо передано вместе с обращением Л. Л. Толстого к министру Императорского двора и уделов графу В. Б. Фредериксу:

«Ваше Сиятельство,

Глубокоуважаемый Граф Владимир Борисович,

Не откажите передать прилагаемое письмо Его Величеству Государю Императору.

С искренним уважением и глубокой преданностью к Вам

Гр. Л. Л. Толстой.» (там же. Л. 84).

Граф Фредерикс откликнулся на просьбу сразу же и передал Николаю II письмо Л. Л. Толстого со своей запиской:

«Литератор Граф Лев Львович Толстой, сын графа Льва Николаевича Толстого, просит меня представить адресованное на Имя ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА письмо.

28 апреля 1915 года» (там же. Л. 83. Машинопись. Вверху листа помета: «Собственною Его Величества рукою начертал знак: „%“ (Читал).

Генерал-адъютант Граф Фредерикс.

29 апреля 1915 г.» (там же. Автограф).

¹ О тяжелом материальном и моральном состоянии Л. Л. Толстого весной 1915 года см. в нашей публикации: *Сын и отец // Лица. Кн. 4. С. 247—255.*

9

<12 мая 1915

Петроград>

Ваше Императорское Величество,

Всемилоостивейший Государь,

Ходатайствует перед Вашим Величеством верноподданный Граф Лев Львович Толстой за сыновей своих Никиту и Петра.

Несколько лет назад, по милости Вашего Величества, три сына моих, Павел, Никита и Петр, были записаны в Императорское Училище Правоведения на стипендии Высочайшего Имени¹. Но стипендии эти все еще не освободились и, по наведенным справкам, могут освободиться лишь по прошествии 7 и более лет². Старший мой сын Павел, вследствие этого, поступил в Училище прошлой весной на казенный счет. Теперь мой второй сын Никита, первый ученик своего класса, мог бы также легко выдержать конкурсный экзамен, но по обычаю Училища Правоведения не принимать двух сыновей одной семьи на казенный счет, и сын мой Никита на таковой не принят.

Ввиду вышеизложенного, то есть фактической невозможности сыновьям моим воспользоваться Высокой Милостью Вашего Величества и попасть на стипендию Высочайшего Имени, а также ввиду стесненного моего материального положения, решаюсь ходатайствовать перед Вашим Величеством всемилоостивейше принять сыновей моих — Никиту, воспитанника VII класса, и сына Петра, поступающего этой осенью в младший пригготовительный класс Императорского Училища Правоведения, — до тех пор, пока не освободятся их очередные вакансии Высочайшего Имени, — на счет воспитательных сумм Канцелярии Вашего Величества по принятию прошений.

Граф Лев Львович Толстой.
Петроград, Таврическая, 29.

12 мая 1915 г.³

РГИА. Ф. 1412. Оп. 80. Ед. хр. 136. Л. 14. Автограф.

¹ См. комментарий к письму Л. Л. Толстого от 15 мая 1908 года.

² В Канцелярии графа В. Б. Фредерикса был сделан запрос о стипендиях Училища правоведения. Среди именных стипендий восьми разрядов значились и «4 стип. Кабинета Его Величества» (там же. Ф. 474. Оп. 60. Ед. хр. 2277. Л. 88. Автограф). Получив 15 мая 1915 года эту справку, один из помощников министра заготовил на его имя следующий документ: «По наведенной в Училище Правоведения справке выяснилось, что два сына графа Л. Л. Толстого зачислены на стипендии Имени ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, оплачиваемые из сумм Государственного Казначейства, и состоят 20-м и 21-м кандидатами. Вакансии на эти стипендии откроются не раньше, как через 7 или 8 лет.

Ввиду сего сыну Графа Л. Л. Толстого, Никите, поступающему ныне в училище, могла бы быть предоставлена стипендия лишь с особого ВЫСОЧАЙШЕГО повеления.

Вопрос о распределении стипендий в Училище Правоведения зависит от Попечителя Училища ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Принца АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА Ольденбургского.

Не приказано ли будет заготовить соответствующее письмо Принцу, с указанием, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО милостиво отнесся к ходатайству Гр. Толстого.

<...> ³ мая 1915 года» (там же. Л. 87. Машинопись с авторской правкой).

Просьба была удовлетворена лишь частично, несмотря на поддержку приближенных царя. 19 мая 1915 года граф В. Б. Фредерикс направил аргументированное послание принцу Ольденбургскому, в котором, в частности, говорилось: «<...> ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, всемилостиво отнесся к просьбе Графа Толстого, повелел мне соизволить выяснить вопрос о возможности удовлетворения означенного ходатайства.

Во исполнение таковой Высочайшей воли, имею честь о ходатайстве Графа Толстого довести до сведения ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА, покорнейше прося не отказать о последующем поставить меня в известность для доклада ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ» (там же. Л. 89—89 об. Машинописная копия с авторской правкой и подписью-автографом).

Ответ принца Ольденбургского неизвестен. 20 мая 1915 года из канцелярии по принятию прошений ушел запрос на имя директора Училища правоведения с пометой «весьма нужное» (см.: там же. Ф. 1412. Оп. 80. Ед. хр. 136. Л. 15. Черновой автограф). 26 мая 1915 года директор и член попечительского совета отправили «отказное» письмо, ссылаясь на единое для всех правило (см.: там же. Л. 16. Машинопись с подписями-автографами). 29 мая 1915 года был подготовлен «Проект Всеподданнейшего доклада Главноуправляющего Канцелярией Его Императорского Величества по принятию прошений» о принятии хотя бы одного сына, Никиты Толстого, в Училище правоведения на казенный счет. Согласие Николая II было получено, и на машинописной копии доклада появилась помета: «На подлинном Г. Главноуправляющим написано: „Высочайше повелено принять на счет сумм канцелярии уплату а воспитание сына просителя Никиты в Императорское училище Правоведения по 800 р. в год, впредь до представления ему стипендии Высочайшего Имени. В Мамантов. Царское Село. 4 июня 1915 г.» (там же. Л. 17—19). 5 июня 1915 года об этом было сообщено Л. Л. Толстому (см.: там же. Л. 20—20 об.). 8 июня 1915 года Канцелярия уведомила о решении Николая II и директора Училища правоведения (там же. Л. 21). В течение двух учебных лет — с октября 1915 года по апрель 1917 года — плата исправно вносилась из соответствующих сумм канцелярии (см.: там же. Л. 1).

〈Конец июля 1916 г.
Петроград〉

Ваше Императорское

Величество,

Неудержимо стремлюсь послужить Вам. Едва удерживаю себя, чтобы не поехать к Вам в Ставку, чтобы как-нибудь добраться до Вас, стать перед Вами на колена и молить Вас оставить меня при Вашем Величестве, в качестве хоть Вашего низшего слуги.

Если Вы найдете возможным дать мне какое-нибудь полезное для Вас и России дело и сейчас позовете меня на него, Вы осчастливите этим человека, и этот человек сделает все, от него зависящее, в исполнение возложенного на него.

Простите великодушно сердечно преданного, верноподданного Вашего

Графа Л. Л. Толстого.

С. Ясная Поляна.

Ст. Засака.

Верю: «Стучите и отворят Вам».

Не докучать Вам хочу, а отдать Вам мою жизнь наиплодотворнейшим образом.

Л. Т.

РГИА. Ф. 472. Оп. 60. Ед. хр. 2277. Л. 91—92. Автограф. Датируется условно на основании письма министра В. Б. Фредерикса Николаю II:

«Приемлю долг представить при сем ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ доставленное мне письмо Графа Льва Львовича Толстого на Имя ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

27 июля 1916 г.».

На машинописном документе три пометы. Одна — Государя императора: синим карандашом сбоку сделан знак %, который министр Фредерикс выше прокомментировал так: «Собственно Его ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертал знак: % (Читал).

Генерал-адъютант Граф Фредерикс.

30 июля 1916 года.

Царская Ставка».

Через несколько дней под письмом В. Б. Фредерикса Николаю II внизу появилась запись карандашом: «Г. М<инист>р приказал уведомить Гр. Толстого, что письмо представлено Его И. Величеству.

Кн. С. Г<агарин>.

3/VIII—〈1〉916» (там же. Л. 90).

На следующий день временно исполняющий обязанности начальника канцелярии отправил Л. Л. Толстому письмо:

«Милостивый Государь
Граф Лев Львович,

По поручению Г. Министра ИМПЕРАТОРСКОГО Двора имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что присланное Вами Г. Министру письмо на Имя ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА представлено по Высокому назначению.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Кн. С. Гагарин.

№ 5891

4 августа 1916 г.

Его Сиятельству

Графу Л. Л. Толстому.

С. Ясная Поляна

ст. Засека» (там же. Л. 93. Машинописная копия с подписью-автографом).

ПРИЛОЖЕНИЕ

БЕСЕДА С БЫВШИМ ЦАРЕМ НИКОЛАЕМ II-м (из моих воспоминаний)

В начале первой русской революции мне пришлось беседовать с бывш. царем Николаем 2-м в Царском Селе, и я привожу здесь эту беседу почти дословно. Она может быть интересна русским людям, и, если мысли мои, высказанные в беседе, до сих пор не потеряли своего значения, она, быть может, найдет сочувствие в моих соотечественниках.

В то время, когда началось брожение во всех слоях русского общества, как следствие неудачной японской войны, я жил в Петербурге и много писал в газетах. Думая, как многие другие, что царь уже не может больше один управлять Россией, и что ему необходимо на помощь народное представительство, я написал об этом письмо Николаю II, предлагая ему созвать «Земский Собор» для решения важных сторон русской жизни. Я написал, что Земский Собор есть лучшая форма для русского народного представительства, что он соответствует строю России, состоящей из различных классов, и что исторически он лучше всего может удовлетворить запросам момента. Мое письмо я давал на прочтение моему отцу, который одобрил его и сказал мне при этом, что, хотя он не занимается политикой сам, все же думает, что Земский Собор был бы нужен. В Петербурге мое письмо тоже было одобрено в высших кругах, и граф Адам Васильевич Олсуфьев¹, приказав переписать его в нескольких стах экземплярах, раздавал их представителям общества и правительства. Письмо это было передано лично государю, и вслед за этим я был официально приглашен лично через министра двора барона Фредерикса² явиться к царю на аудиенцию.

В назначенный день, нарядившись во фрак, я поехал поездом в Царское Село, где на вокзале меня ждала придворная карета.

Во дворце меня сначала пригласили в комнаты для приезжающих, где мне предложили чаю, потом в то скромное отделение маленького царскосельского дворца, где жил с семьей государь. Десяток швейцаров встретили меня в передней, в их числе — царский негр. В маленькой приемной я ждал не более десяти минут, и вот дежурный адъютант граф Граббе уже отворяет мне дверь в кабинет Николая II-го. Небольшая, скромно обставленная комната, стол с бумагами, полки, два, три кресла — вот вся обстановка.

Я напряженно думаю о тех важных вопросах, какие надо будет затронуть сейчас, и весь поглощен ими.

Тихо отворяется дверь напротив меня, и царь в белом кителе без всяких орденов входит и любезно здоровается со мной. Он садится к столу и просит меня сесть. Он — бледен. Вид у него усталый, скучный. Мне кажется, что его все же интересует мой приезд, и, чтобы начать разговор, он говорит мне:

«Вы мне писали...»

Тогда я начинаю говорить. Читатели простят, что мне придется приводить здесь мои собственные речи. Они далеки от того, что может быть, нужно было тогда сказать царю, но я, по тогдашнему разумению моему, старался искренно и горячо изложить перед государем все, что мне казалось важным и нужным для России.

«Я очень благодарен, начал я, что Вы разрешили мне лично говорить с Вами. Я видел Вас несколько раз в жизни, но в первый раз имею счастье беседовать с Вами. Моя мысль та, что Вам необходимо созвать русский исторический Земский Собор. Представителей всех русских классов: дворян, крестьян, купцов, мещан, рабочих и священников. Мне представляется, что такой Собор мог бы быть выбран по сословиям каждого класса и мог бы состоять из 2—3 тысяч человек, которые бы собирались ежегодно или каждые два-три года на несколько месяцев для совместной работы. Вы, ваше величество, могли бы всегда быть главой Собора, что объединяло бы все сословия. Мне кажется, что парламент, скопированный с западного образца, не подошел бы под русские права и из него ничего не выйдет. Нам нужна русская форма парламента, имеющая связь с историческим развитием и прошлым России».

«Да,— перебил меня государь,— и я хочу парламент, но именно в русском духе».

Он подчеркнул эти слова, хотя вся фраза была сказана таким тоном, как будто царь только уступал общественному мнению, но не видел сам необходимости этого. Не было серьезного отношения к той мере, какая сознавалась тогда всей страной.

Я сказал на это государю, что Земский Собор будет уже в чисто русском духе потому, что на нем голос крестьянства будет иметь преобладающее значение, если выбрать Собор пропорционально численности каждого класса.

«Я думаю прежде всего о крестьянах,— сказал государь серьезно,— для меня это главная забота. Я хочу, чтобы и в парламенте они были предоставлены вполне».

Чувствуя, что государь не принимает моей мысли о Земском Соброре, я с известным разочарованием перешел к другому воп-

росу, который тогда интересовал меня. Я заговорил о крестьянской общине и необходимости перехода от нее к крестьянскому частному, хуторному владению.

Царь слушал меня и неожиданно убежденно проговорил: «Это я имел в виду. Вы — правы. Да, это — крупная реформа». Потом подумав, он прибавил: «Крестьяне, это — главное, главное. Я только о них и забочусь». Государь вынул портсигар и закурил папиросу. «Вы курите?» — спросил он.

«Нет, ваше величество, я оставил. Я в настоящее время веду очень гигиенический образ жизни, сплю с открытым окном даже зимой, хожу на лыжах, беру холодные ванны. Без здоровья тела нет здорового духа, и тогда нет возможности работать»³.

«А мясо? — спросил государь. — Ваш отец — вегетарианец?»

«Отец — да, — ответил я, — а я пробовал четыре года и опять вернулся к мясоедению».

«Мне мясо необходимо, — сказал царь, — я без него слабею. Мне оно нужно для здоровья». Видимо, этот вопрос интересовал государя, как будто в правильном решении его он искал для себя физических сил.

Мой косвенный совет государю спать с открытым окном и брать холодные ванны, очевидно, совершенно не заинтересовал его.

«Вы — большой поклонник Швеции, — сказал государь после короткого молчания, — я читал Вашу книгу»⁴.

«Это — высшая культура в мире, ваше величество, — сказал я, продолжая тогда увлекаться Скандинавией, — и нам у варягов до сих пор есть чему поучиться».

Я стал расхваливать шведские учреждения, их школы, сельское хозяйство, технику и — весь строй их жизни.

Государь слушал без внимания и начинал утомляться. Я заговорил о шведском протестантизме как об основе шведских народных нравов, но в это время кто-то зашумел за дверью, ведущей в семейные комнаты царя, и он вдруг преобразился. Лицо его оживилось, и, главное, глаза заблестали, и он встал. Он ничего не сказал мне, но я понял, что это — наследник, прибегавший за отцом.

Аудиенция была окончена. Государь любезно протянул мне руку и проводил до двери.

«Пишите мне, — сказал он на прощанье, — пишите, когда Вам нужно сказать мне что-нибудь».

«Как прикажете передавать Вам мои письма?» — спросил я.

«Через министра двора Фредерикса», — ответил царь.

Я поклонился и вышел.

После этого я много раз писал государю о многих вопросах русской жизни. Некоторые мои советы принимались, и я видел их реальное осуществление, другие оставались без отклика.

Во-первых, идея Земского Собора, который, на мой взгляд, один мог дать тогда прочную основу для России, — государем не была принята, а была дана Дума.

Во-вторых, царь отрицательно отнесся к моему совету реформировать русскую церковь, что, на мой взгляд, было насущной мерой для России, мерой, вероятно, давшей бы русскому народу сильный толчок к его пробуждению и подъему.

Этих два моих основных совета царь не принял, очевидно, не сочувствуя им или их не понимая.

Во-первых, государь очень сочувственно отнесся к мысли о развитой крестьянской общине и переходе от нее к частному крестьянскому землевладению. Хутора и отруба. Эта мера, как известно, начатая Столыпиным, была остановлена войной.

Во-вторых, государь сейчас же принял мой совет энергичными мерами провести в Петербурге канализацию в год страшной холерной эпидемии (комиссия Шмидта)⁵. Благодаря этому эпидемия холеры в Петербурге почти совсем прекратилась.

Печатается по прижизненной публикации: Последние известия. Ревель. 1922. 18 февр. № 41. С. 2.

¹ Л. Л. Толстой ошибся. См. предисловие к публикации, примеч. 17

² В. Б. Фредерикс пользовался большим влиянием на Николая II и членов его семьи.

³ См. подробнее: Толстой Л. Л. Моя гигиена. СПб., 1903.

⁴ См. об этом выше примеч. 21 на с. 102. В архиве Л. Л. Толстого сохранилось письмо начальника канцелярии Министерства Императорского двора А. А. Мосолова от 5 февраля 1905 года, в котором он уведомлял Л. Л. Толстого, что доставленные им в канцелярию четыре книги «[...] представлены ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 465. Л. 1. Машинопись с подписью-автографом).

⁵ Л. Л. Толстой не вполне точен. Во второй половине 1904 года эпидемия холеры и брюшного тифа приняла угрожающие размеры (см.: Отчет С.-Петербургской городской санитарной комиссии за 1905 год. СПб., 1906. С. 55). На заседании Городской думы 2 июня 1904 года было принято решение переустроить систему водоснабжения Петербурга. Была создана комиссия под руководством заслуженного профессора гигиены Императорской Военно-медицинской академии, академика Сергея Владимировича Шидловского (1846—1912). В этой комиссии сначала принимал участие, а потом и возглавил ее доктор медицины Николай Яковлевич Шмидт (род. 1863). Проект Ладожского водопровода обсуждался еще несколько лет, прежде чем начались работы по его сооружению. На основании закона о сооружении канализации от 29 мая 1911 года параллельно велись работы и по очистке города от нечистот (см.: Ладожский водопровод. СПб., 1913. Т. 1. Ч. 3. С. 5—6, 31).